

Близняшки от босса. Сердце пополам

Автор:

Вероника Лесневская

Близняшки от босса. Сердце пополам

Вероника Лесневская

Роковые подмены #4

– Ты утверждаешь, что я стал донором для твоего ребенка? Вадим надвигается на меня, словно цунами, впечатывает спиной в стену. – Наших, – поправляю его. – Два года назад мне сделали ЭКО. Я забеременела близняшками. Одна умерла при родах. Мне так сказали тогда, но... – Бред. Алину выносила и родила моя жена. – Ее настоящая мать – я! – почти кричу. – И дома ее ждет сестра Рита. Они обе – наши с тобой дети... – Убирайся, – цедит Вадим. – Охрана выведет тебя. Рискнешь похитить МОЮ дочь – и я отправлю тебя за решетку. *** Вадим Шторм – мой босс. Циничный, холодный, расчетливый. Я – его помощница. Преданная и ответственная. Мы оба несвободны. И нас ничего не связывает, кроме работы. Так я думала до тех пор, пока однажды он не попросил меня присмотреть за его дочерью. Которая оказалась копией моей малышки...

Вероника Лесневская

Близняшки от босса. Сердце пополам

Близняшки от босса. Сердце пополам. Пролог

– Ты утверждаешь, что я стал донором для твоего ребенка?

Вадим надвигается на меня, словно цунами, заставляет отступить и упереться спиной в стену.

– Нет, не совсем так...

Делаю глубокий вдох. Нос щекочет пряный аромат парфюма, к которому я привыкла за все время под одной крышей с Вадимом. Я не могу больше жить на два дома. Пора разобраться во всем.

– То есть я, владелец крупнейшего международного медиахолдинга, два года назад сдал... кхм... свой биоматериал в клинике для твоего ЭКО? – тянет скептически. – Зачем это мне? Подзаработать хотел? Был у меня кризис в бизнесе, но не настолько, – смеется раздраженно.

Зажмуриваюсь и сжимаю руки в кулаки. Я и не ожидала, что он сразу поверит. Но мне не до смеха.

Сердце режет. Ровно пополам.

– Позволь мне объяснить, – пытаюсь достучаться до этого циничного робота. – Я не знаю, как это произошло. Но да. Почти два года назад мы с бывшим мужем сделали ЭКО от донора. Я забеременела близняшками. Один ребенок умер при родах. Мне так сказали тогда, но...

– Я сочувствую твоему горю, но не имею к этому никакого отношения, – стальным тоном чеканит Вадим, без грамма так называемого «сочувствия». – Или это новый способ на меня ребенка своего повесить? Плюс сто за оригинальность, – и пару раз в ладоши хлопает. Аплодирует издевательски.

В этом весь Вадим Шторм. Холодный, бесчувственный, сметающий все на своем пути.

Сложно устоять перед разбушевавшейся стихией, но я должна постараться.

– Наоборот, – стараюсь подавить эмоции, чтобы общаться с ним на равных. С истеричкой он даже говорить не станет. – Не повесить, – смело смотрю в его огненно-янтарные глаза, которые вижу перед собой каждый божий день, когда

обнимаю и целую мою малышку. – Я хочу вернуть свою дочь.

Секунда – и я оказываюсь заключенной в кольцо его рук. Вадим упирается в стену кулаками по обе стороны от меня. И, кажется, он вот-вот продавит своей яростной силой тонкую перегородку между комнатами.

– Не шути так, – прищуривается угрожающе. – Алину выносила и родила моя жена. Я был рядом все это время. Слишком дорого мне досталась МОЯ дочь! А то, что ты говоришь, полный бред!

– Но ее настоящая мать – я! – фыркаю ему в лицо, потому что терять больше нечего. – И дома ее ждет сестра-близняшка. Рита. Они обе – наши с тобой дети...

– Убирайся, – цедит Вадим и отталкивается от стены, увеличивая расстояние между нами. – Охрана выведет тебя и больше не впустит в этот дом. Рискнешь похитить Алю – и я отправлю тебя за решетку.

Делает шаг назад. И еще. Разворачивается и идет на выход.

Но я не могу его отпустить просто так. Погибну, если потеряю свою малышку во второй раз.

Год кромешного ада. Жалкое существование с половинкой кровоточащего сердца в груди. Слабые попытки собрать себя по осколкам...

И вот теперь, когда появились проблески надежды, Вадим решил обрубить все одним махом? И даже выяснять не будет? Где же его пресловутый журналистский нюх? Где профессиональная хватка? Где зов крови, в конце концов?

Ведь он – отец обеих малышек. Сомнений нет. Слишком они похожи на него.

Стираю слезы со щек и наполняюсь решимостью.

Ради наших детей...

Я не собираюсь сдаваться!

– Алю, как и Риту, родила я! – кричу в его широкую спину. – И я докажу тебе это! – Вадим оборачивается.

Дрожащими руками вытаскиваю телефон из кармана, нахожу в памяти нужные файлы. Запускаю и на вытянутой рукеставляю перед ним.

– Смотри!

Вадим бросает взгляд на экран – и уже не может отвести. Будто загипнотизированный, изучает его. Внимательно, недоуменно. С каждой секундой становится все мрачнее.

– Что за...

Половинка первая. Глава 1

За несколько месяцев до событий пролога

Снежана

– С Днем рожденья тебя, – напеваю на американский манер.

Беру мою малышку на руки, утыкаюсь носом в темную макушку, вдыхаю сладкий запах молочка и детского шампуня. Несу дочь на кухню и усаживаю в специальный высокий стульчик.

– С Днем рожденья тебя, – чмокаю ее в крохотный носик-кнопочку и улыбаюсь.

Раскрываю красивую коробку из службы доставки лучшей кондитерской города. Достая два кексика, украшенных шапками из взбитых сливок. По кухне разносится аромат ванили.

Распечатываю праздничные свечи: розовые, вылитые в виде цифры «1».

Их тоже две...

– С Днем рождени-ия... – вставляю свечи в кексы, поджигаю. – Ри-ита, – придвигаю один к ней, наблюдая, как она воодушевленно глазки округляет. Не выдерживаю и наклоняюсь к кукольному личику. – Моя сладенькая, любимая Ритка-Маргаритка! – провожу своим носом по ее, нежно треплю пухлые щечки.

Дочка заходится звонким смехом, и я невольно тоже хихикаю. Сердце заполняется теплом и даже... радостью. Но только наполовину. Целым оно не станет никогда.

Вздыхнув, ставлю блюдо со вторым кексом на другой стороне стола, напротив пустого стула. Который никто не займет.

– Ма-а-а, – зовет меня Рита, в очередной раз отвлекая от боли. Ниточка, которая держит меня здесь. Крепко.

Смаргиваю внезапно проступившие слезы, растягиваю губы в улыбке – и только потом поворачиваюсь к дочке. Нельзя, чтобы она видела меня разбитой. Хотя, думаю, Рита и так все чувствует, несмотря на возраст.

Один годик.

Наш первый день рождения.

– Так, загадывай желание и задувай свечу! – объясняю малышке, а она лишь ресничками хлопает и ручку к кексу тянет. Слежу, чтобы не обожглась о пламя.

Прикрываю глаза на секунду. Загадываю Рите здоровья и счастливой жизни.

– Нужно сделать вот так, – дую в пустоту, показывая дочке. – Попробуешь?

Любуюсь моей маленькой красавицей, замороженно смотрю, как в ее глазах переливается карамель, играет оранжевыми всполохами. Невероятный цвет. Впервые такой у нее увидела.

Рита смешно сводит бровки, изучает меня внимательно, слегка кивает. Переводит внимание на кекс. Вся такая решительная сейчас, боевая, как Маша из мультика.

– Пф-ф-ф, – делает губки вертолетиком, но вместо воздуха брызгает слюнками.

Незаметно помогаю ей задуть свечу. Вместе хлопаем в ладоши, смеемся.

Позволяю крохе расковырять кекс и измазаться в сливках. Много сладкого она не съест. В основном, по себе размажет. Да и аллергией мы не страдаем. Так что пусть побалуется ребенок.

Присаживаюсь рядом. Краем глаза ловлю огонек с другой стороны.

Вторая свечка-единичка все еще горит...

И не будет задута. Сама потухнет, совсем как...

Судорожный вздох. И опять улыбка, перемешанная с гримасой боли.

– Так, Ритка-Маргаритка, – чмокаю дочь в измазанную щечку, чувствую сахар на губах. – Сейчас мамочке придется уйти на пару часиков. Потому что мой будущий босс назначил собеседование именно на сегодня, – вздыхаю недовольно. – Но мамочке нужна эта работа, чтобы получать денежки и баловать любимую булочку, – щелкаю по носику, а дочь хохочет. – А вечером уговорим папочку куда-нибудь сходить. В парк или детское кафе, – размышляю вслух.

– Я буду поздно, – равнодушно гремит за спиной, а в нос проникает противный запах табака.

– Не кури рядом с дочерью, – фырчу недовольно и оглядываюсь.

Муж выставляет пустые руки, демонстрируя их мне, и глаза закатывает. А потом нервно запускает ладонь в свои светлые волосы, взъерошив их. Обиделся?

Теряюсь на мгновение. Выдавливаю некое подобие благодарной улыбки.

Антон прислушался ко мне – и курит на площадке или балконе, но... Похоже, он сам пропитался этой вонью. Весь.

Я-то потерплю, однако Рита не должна гадость нюхать.

Не выдержав, встаю, подхожу к окну и открываю форточку, впуская свежий воздух.

– Что тут у нас? – довольно проговаривает Антон, а следом раздается скрип деревянного стула.

Резко разворачиваюсь.

Муж сидит на том самом месте!

Вальяжно развалившись, тянет руку к горячей свече. Зажимает пламя двумя пальцами, даже не поморщившись от боли или дискомфорта. Вытаскивает единичку и небрежно отбрасывает в сторону, как мусор. Остатки сливок пачкают стол.

Антон берет нетронутый кекс и запихивает в рот, откусывая едва ли не половину за раз.

– Первый День рождения, – выдыхаю разочарованно. И многозначительно киваю на Риту, а потом возвращаю взгляд на брошенную свечку.

– О-о, поздравляю, – произносит с набитым ртом. – Замотался, из головы вылетело, – кидает дежурную фразу.

Подается вперед, треплет Риту по макушке, как собачонку. Оставляет белые пятна сливок на темных прядях. А потом откидывается на спинку стула.

– Но я все равно задержусь вечером, мать, – от приторного обращения зубы сводит. Как и от наплевательского отношения мужа. – Я же единственный в семье зарабатываю. Может, вы у мамы отпразднуете?

– Да, так и поступим, – беру дочь на руки и прижимаю к себе.

Молча направляюсь к двери. После рождения Риты и...

В общем, мы отдалились с мужем друг от друга.

– Что с работой? – бросает он мне в спину.

– Собеседование через пару часов, – становлюсь вполоборота. – Хочешь пожелать мне удачи?

Антон скользит по мне скептическим взглядом, и в глубине его серых глаз ничего не загорается. Впрочем, в моих тоже давно нет огонька. Потушил. Совсем как свечку-единичку, что валяется на столе.

– Ты хоть в порядок себя приведи, – с пренебрежением сканирует мою футболку, заляпанную детским питанием, будто я прямо в ней к боссу собралась. – Совсем за время декрета опустилась, – бьет словами наотмашь. – Ни черта тебя на работу такую не возьмут. Я б не взял. Точнее, взял бы по старой памяти, но не на работу, – ржет над своей шуткой.

Я стискиваю челюсть от неуместного и грязного намека на интим, которого, признаться, у нас действительно давно не было. Но это не повод унижать меня.

Хочу отвесить Антону оплеуху, но Рита на моих руках сдерживает. Ради нее и голос не повышаю. Нельзя ругаться при малышке.

– Как опустилась, так и поднимусь. Сама, – поднимаю подбородок дерзко. – На твою поддержку давно не рассчитываю.

– Ма-ась, – зовет муж, но я бегу прочь из кухни.

– Знаешь, доча, отчасти Антон прав...

Вздрагиваю от фразы матери и роняю открытую помаду. Сжимаю губы, следя за траекторией ее полета. Благо, она падает на стол трюмо и мажет персиковым пятном по его деревянной поверхности, а не по моему светло-бежевому платью.

Я решила подготовиться к собеседованию не дома, рядом с мужем, а в маминой квартире, которая находится в соседнем подъезде. Думала, что здесь мне будет спокойнее.

Но ошиблась.

– Ма-ам! – возмущенно вскрикиваю и смотрю на нее через большое зеркало.

Она вздыхает, спускает с рук Риту, которая тут же топает к пульту на диване, хватает его и кнопки нажимает, включая телевизор и запуская случайно каналы.

Улыбаюсь, глядя на дочь, но тут же хмурюсь, вспомнив о маме.

– Что «мам»? – подходит ко мне сзади, за плечи бережно обхватывает. – Погляди, какая ты красивая сейчас. Макияж, прическа, платье. Конфетка! – причмокивает языком.

Слушаю ее и в зеркало на себя смотрю. Волосы естественного пшеничного цвета, что я отрастила в декрете, избавившись полностью от краски, сейчас прибраны по бокам. Глаза подчеркнуты тенями и кажутся выразительнее. Скулы выделены румянами. Губы пока бледные, но это исправит помада-«путешественница», что по столику угрожающе катается.

Для собеседования я выбрала платье делового стиля. Облегающее, но при этом выгодно подчеркивающее мои достоинства в виде большой груди и скрывающее недостатки: раздавшиеся после родов бедра и чуть заметный, но все-таки животик, который появился на месте некогда тренированного пресса.

Согласна с мамой: я выгляжу... достойно. Иначе нельзя. Ведь на кону – должность секретаря-референта владельца крупнейшего международного

медиахолдинга. О вакансии мне по секрету сказала бывший главный редактор службы новостей, где я когда-то работала.

Словно в прошлой жизни все это было. А потом... замужество, ЭКО, роды и...

Черта, которая разделила меня на две части. Одна наслаждается материнством, а вторая – скорбит. И я не знаю, как собрать себя воедино.

Но я должна двигаться дальше. А работа может стать моим спасением. Выбора нет – я обязана ее заполучить.

Благо, редактор по старой памяти дала мне лучшие рекомендации и записала на собеседование. По сути, я должна из забитой декретницы стать правой рукой самого Вадима Шторма. Признаться, я понятия не имею, кто он и как выглядит. Но количество нулей в зарплате очень мотивирует.

– Мужчины любят глазами, – продолжает поучать мама. – Появись ты такая перед Антошей, так сразу к ногам твоим упадет. И сразу о чувствах своих вспомнит, – подмигивает мне в отражении.

– Чувства или есть, или их нет. О них не забывают. Как же «и в печали и в радости»? – всхлипываю от вопиющей несправедливости.

Значит, мужа я должна ублажать, несмотря на его пренебрежительное отношение. И в любом виде. А мне, чтобы внимания и заботы получить, обертка яркая нужна? Как конфете? Иначе невкусно?

Но страшно другое.

Плевать Антону, что начинка у меня горчит. Так сильно, что душу отравляет. Я одинока в своем горе.

Ему лишь бы сожрать – и выбросить обертку.

– Это все сказки для маленьких девочек, – мама чмокает меня в макушку. – А в жизни... или ты держишь интерес мужа, или его держит уже другая...

– Грош цена такому браку, – парирую я. – Особенно, когда у нас дочь.

Дочь. Одна.

Звучит набатом. Парализует болью.

Рана никогда не затянется.

– Не каждый бы вообще согласился на ЭКО от донора, – ковыряет ее мама до крови. – Так Антон еще и оплатил процедуру. И не где попало, а за границей! В лучшей клинике! Сумма ведь немаленькая...

– Это было лишним, – шепчу я, но начинаю себя виноватой чувствовать. – Я убеждала его, что у нас ЭКО делают не хуже. Хорошо, хоть рожать туда не повез... – вспоминаю наши с мужем споры.

– Зато с первого раза все получилось. У нас по несколько попыток женщины проходят – и все впустую. Все Антоша правильно решил, – отмахивается мама, будто разочаровавшись в своей глупой, непутевой дочери. – Хороший у тебя муж. И после того, что случилось... – не озвучивает, потому что боится моей реакции.

Я и сама боюсь. Думала, вообще с ума сойду, но нашла в себе силы справиться. Ради Риты.

– Антон ведь рядом находился все время, – бросает главный аргумент. – Пока ты в депрессии была. И сейчас, считай, о чужом ребенке заботится.

О чужом? Не выдерживаю и взрываюсь.

– Мама! – вскакиваю с места и лицом к маме поворачиваюсь. – Не смей так говорить! Это был наш единственный шанс на полноценную семью! Рита – НАША дочь. Отец – тот, кто воспитал...

– Опять высокопарные слова. Ты книжек перечитала, филолог, – закатывает глаза. – Мужики – собственники. В отношении детей – тоже! – не сдается она, давит своим мнением. – Так что соберись и займись своей семьей. Год прошел.

Пора выбираться из ямы отчаяния. Вторую малышку ты не вернешь, а так можешь и мужа потерять.

Понимаю, что спорить нет смысла. Возвращаюсь к зеркалу молча. Делаю последние штрихи – и я готова к собеседованию. Нервничаю дико, потому что от его исхода зависит многое.

В прошлом месяце Антон заявил, что Рита – черная дыра, высасывающая деньги. И ограничил нам финансы. Вот так он «заботится» о нас, но маме жаловаться не хочу. Она и это истолкует по-своему.

В одном она права – пора очнуться и взять жизнь в свои руки. Ради Маргаритки.

Подхожу к дочери, обнимаю ее, слегка касаюсь губами щеки и тут же след от помады стираю.

«Еще раз с Днем рождения, моя булочка!» – шепчу на ушко, отчего дочь хохочет, и ухожу.

Глава 2

«Шторм Медиа» – мельком цепляю взглядом название холдинга, где хочу получить работу, и буквально врываюсь через стеклянные двери в огромный, строгий холл. Показываю охраннику документы, запоминаю, куда мне идти, – и мчусь к лифту.

Время.

Взгляд – на золотые часики, что мне еще отец дарил.

Успеваю. Но это не мешает мне нервничать.

– Придержите лифт, пожалуйста, – выпаливаю я, цокая каблуками по мраморному полу.

Испепеляю взглядом широкую спину мужчины, который входит в лифт и нажимает кнопку нужного этажа. Наблюдаю, как медленно съезжаются створки.

Не подождет меня? Ладно, время есть, вызову еще раз.

Но когда остается маленькая щель, в ней вдруг показывается мощная рука. Двери реагируют молниеносно – и распахиваются.

Невольно изучаю мужчину в лифте. На вид невзрачный какой-то: в сером свитере и джинсах.

Но стоит лишь поднять взгляд на его лицо, как воздух выбивает из легких. Нет, причина не во внезапно проснувшемся влечении или бушующей похоти. Ничего подобного.

Это странное чувство. Оно иного толка. Как дежавю.

Незнакомец в лифте выглядит таким... родным. Словно всю жизнь его знаю.

Не понимаю, в чем дело. Но эти темные волосы, черты лица, глаза... Особенно глаза – горячая карамель. И так знакомо прищуриваются с интересом.

Погружаюсь в них.

Вот я уже не здесь, а дома. Где пахнет ванилью. Обнимаю мою сладкую булочку.

Что за игры устроил мой воспаленный мозг?

– Вы же просили придержать, – возвращает меня из транса бархатный голос. – Передумали?

И рука мужчины к панели с кнопками тянется.

– Нет... Да... – качаю головой и забегаю в кабинку, становясь за спиной незнакомца. – Спасибо.

Еще раз смотрю на него. Чувство не пропадает, но я подавляю его изо всех сил.

Кажется, понимаю, что со мной не так.

Полтора года дома дают о себе знать. Я стала нелюдимой. И сейчас ощущаю мандраж, потому что на работу выходить боюсь. В коллектив вливаться. Будто с нуля все придется делать. Привыкать и адаптироваться.

Стоп. Когда я тушевалась перед трудностями? Журналист по призванию, я привыкла выгрызать путь к своей цели. Я обязательно верну утраченные навыки! Вот как раз на незнакомце и потренируюсь.

– Меня зовут Снежана, – бодро говорю ему. – Я на собеседование к Вадиму Штерну... – язык предает меня, но я понимаю это слишком поздно.

– Шторму, – раздраженно исправляет меня мужчина и, кажется, даже плечами передергивает.

При этом даже не оглядывается. Пафоса, как у миллиардера, а сам небось... заводителом или сисадмин какой-нибудь. Впрочем, разве на них дресс-код не распространяется?

– А вы тоже на него работаете? – слетает с моих уст вопрос.

Мужчина медленно поворачивает голову ко мне. Сводит брови в удивлении, хмыкает и опять глаза прищуривает. Похож на леопарда перед смертельным прыжком. Смотрит на меня, будто видит впервые, расплавленной карамелью обжигает.

– Можно сказать и так...

Выдерживаю его тяжелый взгляд и даже нахожу в себе силы чуть приподнять подбородок. Пользуясь моментом, внимательнее рассматриваю незнакомца. В глаза только стараюсь не смотреть, чтобы то самое чувство дежавю не вернулось.

Несмотря на небрежный внешний вид, есть в этом мужчине что-то благородное и опасное. Важная осанка, гордо расправленные плечи, мощная фигура. Он выглядит так, словно в любой момент раздавит, переступит и пойдет дальше. Оглянется только, чтобы проверить, не шевелится ли жертва.

Внезапное подозрение поднимается в моей душе и ковыряет изнутри.

Бросаю быстрый взгляд на горящую кнопку лифта. Только сейчас замечая, что мы направляемся на один и тот же этаж. Что же, понятно, почему мужчина не слишком дружелюбен по отношению ко мне. И ответ его неоднозначный по поводу работы обретает новый смысл.

– Вы тоже на собеседование? – догадываюсь я. – Значит, мы конкуренты, – хмыкаю с показным равнодушием.

«Но эта должность достанется мне», – добавляю мысленно, программируя реальность.

– Ого, – вздергивает брови. – Узнаю этот запах, – заявляет вдруг, а я импульсивно принохиваюсь. – Запах самоуверенности, – уточняет он.

Опускаю ресницы, теряясь на миг, но тут же отгоняю неуместное смущение. Если бороться, то идти до конца.

– Что же, надеюсь, эта черта сыграет в мою пользу, – пожимаю плечами.

И едва сдерживаюсь, чтобы не выдохнуть с облегчением, когда незнакомец наконец-то отворачивается, прекратив буравить меня взглядом.

Но беседу заканчивать он не намерен. Еще и лифт как назло едет вечность.

– Хорошо подготовились? – с заметным сарказмом бросает конкурент. – Перешерстили весь интернет, досье на будущего босса собрали?

– Зачем? – искренне недоумеваю.

Разве это не прерогатива начальства – информацию о сотрудниках изучать?

– Например, чтобы произвести впечатление, – отчетливо слышу насмешку.

– Вряд ли мне в этом поможет его «грязное белье» или фото, – продолжаю разговаривать с его спиной.

– Хотя бы будете знать, к кому идете...

– Чаще всего ожидания не совпадают с реальностью, – выпаливаю я.

– ...или чего от него ожидать, – заканчивает фразу.

– Знаете, есть психологический тест, где предлагается выбрать, на каком фото маньяк, а на каком – порядочный человек...

– И?

– Я никогда не угадывала, – выдыхаю я.

Плечи незнакомца чуть заметно подрагивают, но уже через несколько секунд опять напрягаются.

– Печально, – делает он паузу, а потом чеканит строго, как на собеседовании. – Почему Шторм должен принять вас на работу?

И этот тон будто гипнотизирует. Не могу не послушаться. Отвечаю незамедлительно.

– У меня два высших образования, опыт работы в журналистике, идеальное знание английского. Я ответственна, работоспособна, коммуникабельна, – пересказываю свое резюме.

Зачем? Наверное, тренируюсь. Смелее буду вести себя у босса потом.

– Скучно, – нагло перебивает меня незнакомец, и я взрываюсь.

– Было бы веселее, если бы я вас, как главного конкурента, обезвредила и оставила бы в лифте? – выдаю на одном выдохе. – Минус один, – и мысленно ругаю себя за импульсивность.

Нервы за год расшатались, эмоции бушуют. Кроме того, страх перед грядущим собеседованием отключает разум.

Ведь если я не устроюсь на работу, то придется ограничить средства на дочь. Антон не шутил – он действительно перестанет мне деньги давать. А детских выплат только на подгузники и питание хватит. Нет уж, моя булочка достойна лучшего!

– Ну-у, уже что-то, – оглядывается незнакомец, и я замечаю в его глазах пляшущие искорки. – Тогда бы Вадим Шторм понял, что вам действительно нужна эта должность.

– Сомневаюсь, что он вообще бы узнал об этом инциденте, – поверить не могу, что мы говорим о подобной ерунде.

– Вадим Шторм знает и видит все, – его фраза звучит пугающе. – В конце концов, в медиахолдинге идут по головам. Здесь одни акулы, – опять отворачивается.

– Что ж, и среди акул можно оставаться человеком, – уверенно бросаю ему в затылок, который уже устала лицезреть.

К счастью, лифт дзинькает и открывается.

– Но выжить легче, когда ты акула, – произносит незнакомец с едва уловимой грустью. И выходить не спешит.

– Скучно, – повторяю его интонацию. – Тем более, речь идет о секретаре-референте. Правой руке, а в ней, как известно, может оказаться как спасательный круг, так и нож, – возбужденно повышаю голос. – Если Вадим Шторм достаточно умен и дальновиден, то выберет по-настоящему надежного человека. Явно не того, кто идет по головам, – и добавляю уже тише. – Потому что однажды под угрозой может оказаться его собственная.

Огибаю незнакомца, который внезапно замолчал, и выхожу в коридор. На протяжении всего пути чувствую на себе прожигающий взгляд. Позволяю себе перевести дыхание лишь, когда скрываюсь за дверью приемной.

Однако ненадолго. Вскоре паника возвращается.

В душном помещении яблоку негде упасть. Десятки соискателей, таких же, как и я, а может, и лучше, взбудоражено перешептываются и заметно нервничают. На меня никто даже внимания не обращает, но это даже хорошо. Отхожу к дальней стене и жду своей очереди.

Минут через пятнадцать дверь кабинета открывается – и на пороге возникает мужчина средних лет. Окидывает нас всех взглядом, при этом, кажется, тоже удивляется количеству желающих стать правой рукой Вадима Шторма.

Одна из самых ушлых кандидаток, в возмутительно коротком платице, выходит вперед. Выпячивает грудь и шагает к двери. Нагло так, будто ее вызвали, хотя мужчина еще не успел ничего сказать.

– Так. Стоять. На место, – бросает он команду, словно собаке, и та подчиняется. – Вадим Шторм вызывает к себе... – мажет взглядом по нам всем, – ...блондинку в бежевом платье.

– А фамилия? – доносится писклявый голосок из толпы.

В ответ – тишина. И только серые глаза внимательно сканируют собравшихся. Атмосфера накаляется. Хочется сбежать отсюда.

– Вы, – внезапно мужчина пальцем на меня указывает. – Зайдите! – и скрывается в кабинете, а я вынуждена следовать за ним.

«Блондинка в бежевом платье». Чувствую себя Золушкой, которую по одежде идентифицировали.

«Вадим Шторм все знает и видит», – вспоминаю предостережение незнакомца. И становится не по себе.

Передергиваю плечами и направляюсь вглубь кабинета. Останавливаюсь посередине. Вздрагиваю, когда дверь позади меня захлопывается.

Замечаю мужчину у панорамного окна. Стоит спиной ко мне. В белоснежной рубашке, выглаженной, но при этом с наспех закатанными рукавами. Ладони спрятаны в карманы темно-синих брюк.

Он не спешит говорить первым. Поэтому я проявляю инициативу.

– Добрый день, я...

– И снова здравствуйте, Снежана, – знакомый голос бьет под дых.

Мужчина поворачивается. Намеренно медленно. Будто издевается.

Вот ч-черт!

Все-таки следовало найти фотографию моего потенциального босса в интернете. Тогда бы я избежала неловкой ситуации.

Ведь тогда в лифте и сейчас передо мной – один и тот же человек!

Вадим Шторм.

– Перейдем ко второму этапу собеседования, – устраивается он в кожаном кресле, закидывает ногу на ногу, сцепив руки в замок на колене. – Присаживайтесь. Судя по всему, нам предстоит интересный разговор.

Глава 3

Вадим

– Да, Лена, – рявкаю в трубку.

Включаю громкую связь, бросаю телефон на стол, а сам натягиваю на себя строгие брюки и рубашку. Терпеть не могу весь этот пафос. Но если уж я требую соблюдения дресс-кода от подчиненных, то и сам должен соответствовать. Хотя, признаться, мне на них плевать. Пусть хоть голыми по офису рассекают, лишь бы работу выполняли хорошо и в срок.

Но приходится играть по правилам, которые диктуют общество и статус. И мой «незаменимый заместитель» Роман Редиванович. Претензий к нему никаких: отличный сотрудник и мужик честный. Но бывает чересчур дотошным и нудным. Он работал еще с моим отцом. И достался мне вместе с компанией... кхм... по наследству, так сказать.

– А чего так грубо? – доносится из динамика игриво-обиженный голос жены.

– Лен, серьезно? Аля всю ночь капризничала, с меня не слезала, пока ты дрыхла в соседней комнате, – взрываюсь я. – Я в офис опоздал. Собеседование буду сейчас проводить, будь оно не ладно. Если ты просто поболтать...

– Ну да, ну да, – вздыхает протяжно, будто это она три часа от силы спала. – Но только не надо меня попрекать. У Алечки период такой, когда нужен папочка, – сюсюкается она, извиняясь таким образом.

Да, период. С самого рождения. Когда детская кроватка благополучно переехала в мою спальню, а жены и след простыл. Грудью она не кормила – молока не было, – а все заботы взвалила на няню.

Я обожаю нашу дочь, но отношение к ней Лены меня напрягает. С каждым днем все сильнее.

– Лен, зачем звонишь? – тороплю ее. – Время!

И сам на наручные часы поглядываю. Опоздал я жестко. Что же, с появлением дочери пунктуальность больше не мой конек.

Наспех застегиваю манжеты, дергаю слишком резко – и пуговица отлетает, выстреливая куда-то в сторону. Тяжело вздохнув, просто закатываю рукава.

К черту все! Босс – он и без пуговиц босс.

Впрочем, та блондинка в лифте так не считает. Не поняла даже, кто перед ней...

– Хотела уточнить, когда ты освободишься, – тараторит Лена. – Мне нужно точное время администратору суши-ресторана сообщить. И подружкам тоже.

– Угу, да, – машинально киваю, пока до меня не доходит смысл ее слов. – Стоп! Какой к черту суши-ресторан? Какие подружки? Зачем?

– Ну как! – искренне недоумевает, и прямо вижу, как она сейчас ресницами хлопает, готовясь «взлететь». – День рождения Алечки отмечать будем.

Кажется, в этот момент моя челюсть падает вниз. Прихожу в себя, когда слышу хныканье дочери на фоне. Опять смотрю на время.

– Та-ак, – тяну строго, руки в карманы складывая и нервно измеряя шагами пол. – Во-первых, позови няню. У Али по режиму перекус. Печенье, молоко... Ирина Павловна в курсе.

Слышу шорохи, голоса и топот детских ножек. Моя малышка в годик носится, как угорелая.

– А теперь слушай внимательно, – рычу на жену, и она покорно затихает. – Закрываешь соцсети, открываешь строку поиска...

– Ой, – пищит Лена, потому что я ее рассекретил.

– Ищешь лучшее детское кафе в городе. Смотришь отзывы. И бронируешь на... – барабаню пальцами по подбородку, – ...на пять часов вечера.

– Детское кафе? – слышу, как стучит пальцами по клавиатуре. – Фу, зай. Там сладости одни, пиццы. Что нам там делать? Я же на диете!

– Главное, чтобы Але понравилось. Это ЕЁ первый День рождения, Лен, – подчеркиваю значимость момента. – А тебе я пакетик травы с собой закажу, будешь жевать, – издеваюсь я, но шуток Лена как не понимала, так и не

понимает. – Насчет подружек, сама с ними потом встретишься. Без малой. Максимум, сегодня можешь пригласить семейных с детьми. Никаких левых людей. Аля быстро устает от толпы.

– Ну, за-ай, – капризно зовет она.

– Работай, Лена, работай, – повышаю тон, забывая, что с женой общаюсь, а не с подчиненными. – Тьху!.. То есть ищи, Лена! В пять дома буду.

И отключаю телефон. С облегчением.

– Вадим?

Дверь со стороны «черного входа» в мой кабинет открывается, и в проеме показывается голова Романа Редивановича.

– Да, проходи, – мы общаемся на равных и исключительно на «ты». – Через пару минут начнем собеседование.

Потираю пальцами виски. Бошка раскалывается от хронического недосыпа, мозг в туманной дымке.

Так, сейчас быстренько выберу себе помощницу – и домой. К дочери. Намеренно все совещания сегодня отменил. А с собеседованием этим идиотским меня Роман подставил. Дату сам назначил, народ собрал, но не учел, что у дочки праздник.

– Я просмотрел все рекомендации и резюме, отобрал около тридцати кандидаток, – «радует» меня зам.

– Ско-олько? – ору так, что, кажется, в приемной всех распугаю.

– Это лучшие из лучших. На электронной почте вообще около сотни заявок было, – «достреливает» меня Роман.

Запускаю пятерню в волосы, взъерошиваю раздраженно. И тут же поправляю прическу. Собеседование, мать его. Марку держать надо.

– Ты центр занятости с шоу «Холостяк» перепутал? – сокрушаюсь я. На самом деле мне не до смеха.

Тридцать кандидаток. Если потратить по десять-пятнадцать минут на каждую, то... Да ну!

– Хм, просто ты такую зарплату щедрую пообещал, что я бы и сам пошел к тебе в помощницы, – смеется он.

– Слушай, Роман, ты так хорошо отбор провел, – захожу издалека. – Может, завершишь начатое? Найди сам мне секретаря-референта, а я... – умолкаю задумчиво, – ...премию тебе выпишу, – иду ва-банк.

Но вместо радости на его лице появляется тень недовольства. Роман отрицательно качает головой – и бросает на мой стол стопку каких-то бумаг.

– Вот все резюме. На этот раз я пас, – заявляет вдруг. – Тебе с этим человеком двадцать четыре на семь придется рядом находиться. Будешь меня потом упрекать, что подсунул тебе кого попало, – бухтит недовольно.

Достает платок из кармана – и пот со лба смахивает. Машинально беру пульт, включаю кондиционер. Прохлада пригодится в любом случае. Столько народа через этот кабинет сегодня пройдет!

*

– И вообще, что за барские замашки? – подхожу к окну. – Я справлялся все время без помощников. Зачем мне сейчас кто-то?

– Затем, что ты пропустил два совещания с иностранцами и не явился на важную пресс-конференцию, – отчитывает меня так, будто я не босс его, а сын непутевый.

– Ты записываешь, что ли? – усмехаюсь я. – Форс-мажор случился. У малышки зубы резались. Так что я провел незабываемое время в обнимку с ней, градусником и педиатром, – хоть говорю с сарказмом, но чистейшую правду.

Вздрагиваю, вспоминая те жуткие ночи. Дикий крик, горячая Аля. При этом ничем не можешь помочь. И это ощущение беспомощности убивает. Какие там иностранцы. Не до них было.

– А жена? – бьет под дых. – У Елены не прошла еще послеродовая депрессия? Как-то затянулась она, не находишь? Может, специалиста ей квалифицированного найти...

Хмыкаю и морщусь, пользуясь тем, что спиной к замку стою. Депрессия, как же. Лена замечательно стресс с подружками снимает. На шоппинге и в салонах красоты. И если первое время я охотно отпускал ее развеяться, потому что оберегал родившую женщину. Беспокоился, чтобы в себя не ушла, не свихнулась в четырех стенах. То теперь... вижу, что совсем не похожа Лена на измученную мамочку. А от Али сама сбегает с превеликим удовольствием.

Но сор из избы выносить не по-мужски как-то, поэтому закрываю тему.

– Ладно, не будем терять времени. Приглашай первую кандидатку на руку, сердце и секретарское кресло, – тяжело вздыхаю я, продолжая пялиться в окно. – Раньше сядем, раньше выйдем... Наверное...

– Так, хорошо, – слышу шелест бумаг. – По списку? По алфавиту? По заслугам?

Оглядываюсь на Романа и прищуриваюсь. Бросаю взор на стопку резюме.

И вдруг... Вспоминаю блондинку в лифте.

Что она там вещала в перерывах между тем, как обозвала меня «Штерном» и как дерзила мне, думая, что я – ее конкурент? Кажется, промелькнула фраза про два высших, знание языка, личностные качества...

А что если облегчить себе задачу сегодня...

– Роман, будь добр, пригласи блондинку в бежевом платье, – выдаю неожиданно для самого себя.

– Шутишь опять? – бурчит заместитель.

– Серьезен как никогда.

Киваю на дверь в приемную, а сам отворачиваюсь к окну. Усмехаюсь.

Через минуту позади слышится цокот каблуков, который затихает, как только захлопывается дверь. Чувствую на себе внимательный взгляд, прожигающий спину. Слышу тихий лихорадочный вздох. И неуверенный, но знакомый голос:

– Добрый день, я...

– И снова здравствуйте, Снежана, – внезапно вспоминаю ее имя.

Не спеша поворачиваюсь к ней. Устремляю на ее побледневшее лицо пристальный взгляд, но она выдерживает его. Хоть и с трудом.

Устраиваюсь за своим рабочим столом, жестом указываю ей на кресло напротив. С предвкушением и каким-то нездоровым азартом жду ответной реакции.

В какой-то момент немного жаль Снежану становится. Она выглядит так, будто вот-вот или сбежит в панике, или грохнется в обморок. Оба варианта мне не подходят. Мне нужна стрессоустойчивая помощница, а не истеричка или кисейная барышня.

Почти теряю интерес к ней, но она вдруг расправляет плечи, приподнимает подбородок и улыбается мне сдержанно. И эта улыбка... напоминает мне что-то. Знакомой кажется.

– Приятно познакомиться, – присаживается блондинка за стол. – Еще раз.

Пытается казаться невозмутимой, но голосок предательски подрагивает.

– Рассказывайте, Снежана, – холодно бросаю ей. Намеренно вопросов никаких не задаю.

Делает шумный вдох – и начинает говорить.

В слова не вслушиваюсь. Ловлю интонации, наблюдаю, как она ведет себя. Обращаю внимание на внешний вид.

Одета пристойно, не вызывающе. Заметно, что пришла сюда работать. Никаких ужимок, кокетства и прочей ерунды, которой злоупотребляют девушки. Особенно в моей компании. Тем более рядом со мной.

Снежана серьезная и строгая. И голос приятный, раздражать не будет.

А еще улыбка. Опять на ней залипаю. От чувства дежавю избавиться не могу.

– Спасибо, мы вам перезвоним, – перебиваю Снежану.

Она замирает испуганно. Ресницами взмахивает растерянно, но тут же в руки себя берет. Поднимается, сжимает кулачки и натянуто улыбается.

– До свидания, – будто специально именно такую формулировку при прощании выбирает.

Грациозно разворачивается и гордо идет к двери.

С ухмылкой смотрю ей вслед. А девочка – боец! До последнего не сдается.

– Вадим, дальше по списку вызывать? – появляется в кабинете Роман.

Встаю из-за стола, кладу телефон в карман.

– Распускай всех, – приказываю довольно. – Меня устраивает эта кандидатура, – киваю на закрытую дверь. – Позвонишь ей... Завтра! И с понедельника пусть приступает к работе.

– Хм, а ей почему сразу не сказал? – сводит брови он.

– Чтобы не расслаблялась, – хмыкаю я, а зам глаза закатывает.

– Так, хорошо. Резюме мне дай ее, номер телефона перепишу, – протягивает руку, но я лишь пожимаю плечами.

– Понятия не имею, где оно.

– Мда-а, а фамилия?

– Не знаю. Снежаной зовут, – беру нетронутую стопку бумаг и вручаю ему. – Ты найдешь, я в тебя верю, – хлопаю ошарашенного заместителя по плечу. – А я к доченьке! – вылетаю через запасную дверь.

Снежана

«Спасибо, мы вам перезвоним», – крутятся в голове слова босса. И голос его в ушах звенит. Равнодушный, ледяной.

Вот и все.

Я не получила должность по своей же глупости! Мало того, что вслепую пришла и даже не знала, как босс выглядит. Так еще и умудрилась поспорить с ним в лифте. Надо было держать язык за зубами. Начальство любит покорных. Молчание – золото, но эта истина не обо мне.

Мысленно ругаю себя самыми грубыми словами.

Покидаю кабинет, молча пробираюсь сквозь толпу в приемной, игнорируя вопросы остальных соискателей. Им интересно, как прошло собеседование. Но по моему разбитому виду многие сразу догадываются о его неблагоприятном исходе.

За спиной звучат ехидные перешептывания, но я не обращаю внимания. Плевать мне и на заместителя босса, который внезапно появляется с каким-то важным

объявлением. Все равно его голос теряется в поднимающейся буре возмущений. Слова тонут в море вопросов.

Не слушаю ничего. Стремительно мчусь к лифту.

И как только дверцы закрываются, позволяю себе заплакать. Расклеиваюсь буквально на доли секунды, чтобы потом опять собраться.

Выхожу в холл и по пути достаю телефон. Подключаюсь к интернету «Шторм Медиа» – хоть какой-то толк от того, что я здесь. И отправляю свое резюме Марку Туманову. Он – генеральный директор второго крупнейшего медиахолдинга в нашей стране и главный конкурент Шторма. Надменный, требовательный, высокомерный. Так охарактеризовала его редактор, но контакты дала на всякий случай. Я до последнего не хотела идти к нему работать, ведь ни одна помощница не задерживалась у него дольше месяца.

Но выбора не остается.

«Письмо доставлено», – сообщает приложение электронной почты. И я вздыхаю тяжело, будто только что сама себе приговор подписала.

Иду на автобусную остановку, терпеливо жду свой транспорт.

Но по дороге домой вдруг решаю выйти раньше, чтобы заглянуть в лучшую кондитерскую города. И купить что-нибудь для моей булочки. Правда, на последние деньги.

Надеюсь, Туманов мне не откажет. Я же сделаю все, чтобы зацепится в его компании дольше, чем на месяц. Не повторю своих ошибок.

Полная решимости и надежды, вздергиваю подбородок. И с улыбкой открываю дверь кондитерской. Слуха касается мелодичный звон колокольчика, а в нос проникают ароматы выпечки. Желудок сводит от голода, но я, как заядлая мазохистка, делаю глубокий вдох. И заранее знаю, какой торт выберу сегодня для моей Риты. Еще свечки возьму и воздушные шары.

Мечтательно смотрю на прилавки и подхожу ближе к кассе. Перевожу взгляд на людей, что стоят передо мной, и нервно сглатываю, уткнувшись в знакомую спину. Именно этот затылок я гипнотизировала в лифте несколько часов назад.

Но что здесь делает Вадим Шторм собственной персоной?

– Какой фэмили-лук, Лен? Какая фотосессия? Почему Аля орет так? – рычит он в трубку, и мне хочется сбежать. – Оставь ребенка в покое. Я меньше чем через полчаса приеду, и если...

Обрывает угрозу, потому что подходит его очередь. Я же лихорадочно соображаю, как поступить: уйти по-тихому или остаться и сделать вид, что мне все равно? Честно говоря, никаких моральных сил на эти игры не осталось. Впрочем, я ведь не буду работать с ним, чего беспокоиться?

– Мне нужен торт для годовалой дочки, – не до конца оправившись после нехорошего разговора, грозно бурчит Шторм.

Пока продавец рекламирует ассортимент, пытаюсь всучить боссу самые дорогие сладости, я невольно обвожу его взглядом.

Суровый Вадим Шторм выбирает торт для своей дочурки. Это... мило.

– Возьмите морковный. Полезно и вкусно. Детки любят, – слетает с уст прежде, чем успеваю заткнуть себе рот.

Босс передергивает плечами, поворачивается ко мне. И его брови удивленно взлетают вверх. Мне хочется сквозь пол провалиться – и исчезнуть. Но я наоборот выпрямляюсь и слегка улыбаюсь, отчего лицо Вадима становится еще задумчивее.

Ко всему прочему, продавец косится на меня недовольно: не позволила богатого клиента, как следует, потрясти.

– У вас тоже есть дети? – неожиданно спрашивает Шторм.

– Да, дочь, – киваю и тут же хмурюсь. – Я указала в автобиографии.

– Я не смотрел ваши документы, – небрежно отмахивается он. – Совсем.

– Как же?.. – хватаю ртом воздух возмущенно.

– Я предпочитаю доверять первому впечатлению и интуиции, – ухмыляется Штурм.

Опускаю голову. Значит, впечатление я на босса не произвела. И интуиции его не понравилась.

– Сколько ей? – зачем-то продолжает беседу.

– Годик, – отвечаю, словно собеседование продолжается. – Сегодня.

– Хм, поздравляю, – делает заказ, оплачивает его. – Может, вы и детское кафе хорошее знаете?

– М-м-м, есть одно, – постукиваю пальчиком по подбородку. – В центре, возле цирка... – и осекаюсь, вспоминая, что не с кем-то из своих друзей общаюсь, а с человеком, который вращает миллионами. Какое кафе возле цирка?! – Вряд ли оно понравится вам и подойдет по статусу, – смущаюсь под его карамельным взглядом. – Но там уютно, – добавляю еле слышно, будто оправдываясь.

Продавец выносит Вадиму два торта в праздничных упаковках и с бантами. Один он вдруг протягивает мне.

Импульсивно обхватываю коробку руками, округляю глаза и вопросительно смотрю на мужчину.

– Вашу дочку – с днем рождения, – произносит он с теплом.

Пока я пребываю в шоке, Штурм направляется к выходу. На пороге задерживается и оглядывается.

– Ах да, совсем забыл сказать, – улыбается хитро. – Вы приняты.

Глава 4

Снежана

– Ма-а, – зовет меня Рита и поднимает пальчик вверх.

Подумав, показывает на морковный торт, что усеян горящими свечами, а в центре возвышается красивая цифра «1».

– Да, булочка, сегодня тебе один годик, – треплю ее за щечки.

К нам подходит Злата, моя подруга, и ставит на стол блюдо с салатом.

– Теть Маша сейчас придет, – имеет ввиду мою маму. – Она бутерброды доделывает. А пока... – жестом подзывает к себе своих двойняшек Артема и Аню, – ...мы будем поздравлять Ритусика!

Со Златой мы познакомились в клинике, где чуть ли не весь последний триместр пролежали на сохранении. У обеих – многоплодная беременность. И протекала она у нас одинаково сложно. Родили мы тоже почти вместе: день рождения Златиных рыжиков на прошлой неделе отметили. В том самом кафе у цирка, которое я боссу сегодня посоветовала. Интересно, он прислушался? Впрочем, меня это не касается.

В общем, мы со Златой – подруги «по многоплодию». Только я свою вторую малышку потеряла... Я так следила за собой, столько месяцев сохранялась, выполняла все назначения врачей, но... Не уберегла мою девочку.

Украдкой смахнув предательски выступившие слезы, я обращаю внимание на Злату с детьми. Они вместе подходят к Рите, и подруга вручает малышке плюшевого щеночка. Булочка тут же хватается игрушку, обнимает.

Вместе мы задуваем свечи. Стоит им потухнуть, как сынок подруги протягивает руку и погружает ее в торт. Его глазки необычного цвета сияют: серо-голубым и зеленым. Малыш хватается в кулачок как можно больше крема. Злата ахает

испуганно и виновато на меня косится. Но я лишь смеюсь над ситуацией.

– Вредный Артем, не делай так больше, – отчитывает она сына, но тот довольно облизывает пальцы.

Тем временем Анечка подходит к столу и хватает вазочку с конфетами, резко дергая на себя. Я лишь успеваю испуганно распахнуть рот, но Злата быстро перехватывает вазу – и отодвигает подальше, на середину стола. Удивительная реакция!

– Ты как обезьянка из мультика. Та, которая с кучей детей, – хихикаю я, и подруга тоже заходится хохотом.

– В каждом маленьком ребенке, – начинает напевать она, чмокая Риту в щечку, – и в мальчишке, и в девчонке, – щелкает по носикам своих двойняшек. – Есть по двести грамм взрывчатки...

Подводит Риту к своим малышам, заставляет их всех встать в круг и взяться за руки.

– Или даже полкило, – подхватываю я, когда дети принимаются неумело водить хоровод.

Зал наполняется звонким смехом.

– А ну, садитесь ужинать, – появляется мама. – Сами еще, как дети, – прыскает она.

Как истинные мамы годовалых детей, мы со Златой не наслаждаемся пищей, а быстро запихиваемся, не чувствуя вкуса. И не сводим глаз с наших непосед. Уже в следующую минуту занимаемся тем, что развлекаем малышей.

Через несколько часов квартира и вовсе превращается в балаган. Наши дети носятся по комнатам, сбивая друг друга с ног. Неуклюже падают на попы, поднимаются, опять бегут куда-то. То и дело сталкиваются лбами. То смеются, то плачут.

И когда ребята заметно устают и начинают капризничать, поднимается Злата.

– Та-ак, – подруга упирает руки в бока и повышает голос, отчего ее двойняшки выравниваются по струнке. – Совсем разбаловались! Пора домой! Ать-два, – пальцем указывает на выход. – Поздно уже, рыжикам спать пора. Мы пойдем, – шепотом поясняет мне, а я киваю.

Малышня послушно плетется в коридор. Помогаю Злате одеть двойняшек, чмокаю всех на прощание и устало улыбаюсь.

Проводив неугомонных рыжиков, причем я имею ввиду всех троих, я возвращаюсь в зал. Собираюсь забрать дочь, чтобы подготовить ее ко сну, но передо мной вдруг вырастает мама.

– Так, дорогая, я Ритулю сама уложу, не беспокойся, – решительно произносит она.

– Мам, я... – пытаюсь воспротивиться, – ...не хочу утруждать тебя.

– Глупости, – подхватывает внучку на руки и целует ее. – Ты иди к Антоше, пока красивая, – подмигивает мне, но я мгновенно мрачнею.

– Зачем? – фыркаю зло. – Уже десять вечера, а он не зашел к нам и даже не позвонил. У дочери день рождения, а ему плевать. Не хочу видеть его сегодня!

Мама недовольно сжимает губы, молча относит мою булочку в спальню, а сама, прикрыв дверь, возвращается ко мне. За плечи берет аккуратно, в глаза смотрит.

– Вот и поговорите о том, что произошло. Обрадуешь его, что работу получила. Пусть гордится такой умной женой, – улыбается с нежностью. – Проблемы свои обсудите наедине, – говорит, будто гипнотизирует.

– Не о чем тут говорить. И так все понятно, – обиженно бубню.

– Упертая, как отец твой! – пытается зацепить меня, ведь они давно не живут вместе. И с ее стороны это далеко не комплимент, так как папу она ненавидит. –

Хочешь, как подруга твоя, одна остаться?

Обидно, что мама так небрежно о Злате отзывается. Не по своей вине она матерью-одиночкой осталась. Во время беременности подруга в отчаянии даже думала двойняшек в роддоме оставить, чтобы им подобрали другую, «достойную» семью. Но на ее пути вовремя встретила я и переубедила. Теперь мы неразлучны. И помогаем друг другу.

– Злата не одна. У нее два замечательных рыжика! – парирую я. – А у меня Маргаритка. И если она не нужна Антону, то он не нужен нам! – злюсь я.

– У ребенка отец должен быть, не глупи, – спроваживает меня мать. Сумку в руки впихивает. – И мудрая женщина семью не разрушит, а сохранит.

– Мам, ну, – смеюсь я, – вы же с папой развелись. Где твоя мудрость была?

– А вот это было грубо и обидно, – сводит брови хмуро.

– Прости, мамуль, – обнимаю ее крепко.

– Снежинка, – гладит меня по волосам. – Не горячись. Хотя бы попробуйте поговорить. Мосты сжечь всегда успеешь.

Тяжело вздохнув, киваю обреченно. Впрочем, возможно, мама и права. Что если у нас с Антоном период сложный? Переживем кризис – и будем счастливы, как раньше. И Риту он полюбит...

С такими мыслями я и переступаю порог нашей квартиры. Внутри темно – и только в ванной горит свет. Через пару минут оттуда буквально вываливается Антон. В полотенце на бедрах, взъерошенный, красный, как вареный рак.

Хмурюсь, почуяв неладное.

– Антон? – зову вкрадчиво.

– О, какая ты красotka сегодня! – восклицает чересчур радостно, жадно обводя меня взглядом. Но не вызывает ничего, кроме отвращения.

По голосу слышу: он не в духе и «устал». Подходит ко мне вплотную, а я делаю вдох. Тут же закашливаюсь, прикрыв рот ладонью, и прищуриваюсь.

– Вот так ты работал до ночи, да? – бросаю обвиняюще. И в серых глазах мужа загорается недобрый огонь.

Антон нависает надо мной, уперев руки в дверь по обе стороны от меня. Шкаф, а не мужчина. Огромный и... пустой. Дверцами хлопает. Я со своим невысоким ростом чувствую себя рядом с ним букашкой, которую вот-вот раздавят.

Вжимаюсь спиной в деревянное полотно и лямку сумки в руках нервно тереблю. Хочется уйти, но Антон отрезал все пути отступления.

– Отдохнул немного после работы. Имею право, – хоть и спорит, но голос его в этот момент звучит хрипло. – Я же не знал, что дома меня такая краля ждет. Ну что, взяли тебя на работу?

Сглотнув ком в горле, слабо киваю. И не жду поздравлений от мужа. Плевать ему.

Его взгляд скользит по моему лицу, декольте. Буквально раздевает.

Но мне не льстит животная реакция мужа. Наоборот, пугает. И вызывает отторжение. Хочется прикрыться, спрятаться – и чтобы меня он не касался.

Разумом я понимаю, что это неправильно. Мы с Антоном женаты. Я должна чувствовать к нему что-то... Но не получается. Давно не получается...

– Антон, отойди, – упираюсь руками в его твердый пресс, но сдвинуть с места этот шкаф я не в силах. – От тебя разит. Мне неприятно, – признаюсь, поморщившись.

Внутренне понимаю, что у меня давно нет влечения к мужу. Как на физическом уровне, так и на эмоциональном. Словно он – чужой человек для меня.

– Антон! Я хочу серьезно поговорить с тобой! – прикрикиваю, пытаюсь достучаться.

Но в глазах мужа – туман и похоть.

– А я... тебя, – ухмыляется гадко. – Это ты правильно сделала, что мелкую бабке отдала. Пусть там и остается, – окончательно добивает меня словами.

Прищуриваюсь зло и толкаю мужа. Он поддается, шаг назад делает, будто играет со мной. Или делает вид, что послушался, чтобы получить желаемое.

Но я непреклонна. Во мне поднимается буря возмущения. Накопленные обиды выплескиваются наружу, превращаясь в слова.

– Ты говоришь о НАШЕЙ дочери! – всхлипываю я.

– Она не моя дочь. И ты прекрасно это знаешь, – потеряв ко мне интерес, Антон отходит назад. – Скажи спасибо, что я вообще кормлю чужого подкидыша, – выплевывает ядовито и с ненавистью. – Мне она не нужна.

Внутри меня что-то щелкает – и вот я уже не слабовольная жена, что пытается угодить во всем мужу, а, прежде всего, любящая мать, готовая загрызть любого за своего ребенка.

Гормоны, уколы, ЭКО, тяжелая беременность, мучительные роды, операция. Известие о смерти второй малышки.

И единственный смысл жизни – моя Рита.

Картинки прошлого мелькают в сознании, словно в калейдоскопе.

Подкидыш, черт возьми?!

– Ни я, ни Рита не заслуживаем такого пренебрежительного отношения! – кричу сквозь проступившие слезы. – Хватит, Антон! Весь этот год ты делаешь мне больно! – вдыхаю глубоко и... – В конце концов, я не виновата, что Ты не можешь иметь детей!

Пытаясь задеть его за живое, я совершаю огромную ошибку. Зажмуриваюсь, когда в мое лицо с размаха влетает кулак. Щеку царапает обручальным кольцом-«антистрессом». Символично. Модная «фишка» не успокоила мужа. Не защитила от стресса. И помогла поставить точку.

От силы удара я впечатываюсь спиной в дверь. И оседаю на пол, прижимая ладонь к горячей скуле.

Не могу поверить, что Антон поднял на меня руку. Но саднящая боль и след на коже подтверждают это.

– Прости, но впредь меньше вякать будешь, – холодно говорит муж и разворачивается, направляясь в кухню. – Мясо замороженное приложи, чтобы синяка не было. А то тебе в офис идти – деньги на мелкую ТВОЮ зарабатывать.

Не знаю, что больнее меня ударило: его кулак или жестокие слова. Заставляю себя подняться на ноги, собраться с духом.

Хватит!

И когда Антон возвращается с куском мяса из морозилки, я распахиваю дверь и сбегаю.

– Ма-ась, не дури! – звучит за спиной его мерзкий голос, но я мчусь со всех ног.

Через некоторое время уже стучусь в квартиру мамы. Она открывает дверь и смотрит на меня недоуменно. Ее удивление сменяется страхом и жалостью, когда я переступаю порог и вхожу в освещенный коридор.

Мать приподнимает мой подбородок пальцами, в лицо вглядывается. Мрачнее тучи становится.

– Что случилось? Напал кто? Полицию вызвать? Антоше позвонить? – суется она, порывается даже телефон схватить, но я беру ее за руку, останавливая.

– Нет, мам, – пугаюсь своего равнодушного тона. – Я как раз от Антона. Разговор... не заладился, – даже умудряюсь улыбку выдать.

Устало опираюсь плечом о косяк. Неторопливо скидываю обувь, сминая задники. Бросаю сумку небрежно на пол.

Прислушиваюсь к себе и... ничего.

Мне настолько все равно, что даже слез нет.

Наоборот, какое-то странное ощущение легкости в груди, будто булыжник свалился. И не важно, что он в полете зацепил меня. Ударил. Главное, я избавилась от него наконец-то.

Потому что сегодня Антон помог мне принять решение, от которого раньше малодушно отмахивалась. Хотя давно нужно было это сделать. Еще в тот день, когда я родила Риту, а муж наплевал на нас обеих, даже не встретив из роддома.

А может, еще раньше... После рокового приема у репродуктолога...

Глава 5

Около двух лет назад

Снежана

– Как оказалось, у вашей супруги с репродуктивной системой все в порядке, – заявляет доктор Ильясов, переводя многозначительный взгляд с меня на Антона.

Эта новость окрыляет меня. Около года напрасных попыток забеременеть. Угроза бесплодия. Жесткие слова мужа, что виновата я. УЗИ, анализы, осмотры у гинеколога.

И, наконец, я могу выдохнуть.

Но...

– А вот вам надо было сразу сдать анализ, тогда бы мы не мучили так долго вашу жену. Знаете ли, мы всегда рекомендуем сначала обследоваться супругу, чтобы исключить мужской фактор. Однако в вашем случае именно в нем проблема...

– Что? – мрачнеет Антон, а я беру его за руку.

Ильясов листает папку с нашими анализами, достает листок, протягивает его мужу.

– Судя по всему, вы не сможете стать отцом, – сообщает он, пока Антон в показатели всматривается.

– И что это значит? – выдергивает свою ладонь из моей. Нервно. Будто я сделала что-то не так.

Вжимаюсь в спинку стула, складываю руки на коленях. И не отвожу глаз от врача.

– Причины могут быть разные: генетика, перенесенные заболевания, воспаления, – поясняет Ильясов. – Но итог таков. Вы бесплодны.

– Как это? У меня по мужской части все отлично. Без осечек, – с какой-то неуместной гордостью выдает Антон, заставляя меня залиться краской и потупить взгляд.

Не то, что у меня какие-то претензии. Мне вообще сравнивать не с кем. Первый и единственный. Мой муж. Но... Как же неловко говорить об этом...

– Это не связано, – качает головой репродуктолог. – Как бы понятнее выразиться... вхолостую все работает, – пожимает плечами.

Антон умолкает, погружаясь в свои мысли. Недобрые, судя по витающему вокруг напряжению.

Тем временем я не могу не задать главный вопрос.

– Можно ли что-то сделать? – тихо лепечу я, опасаясь реакции мужа. – Есть ли у нас шанс стать родителями?

– Скажем так, – Ильясов подается вперед, сцепив руки в замок. – Я вижу только два пути. Или взять ребенка из детдома, – задерживаю дыхание, понимая, что Антон никогда не пойдет на это. – Или сделать ЭКО с донорским материалом. Есть у нас клиника с мощной базой, там можно выбрать по описанию, чтобы на вас был похож донор. Фотографии, само собой, не предоставляются. Но основные черты указаны. И...

– Нет, – резко поднимается Антон, с грохотом отодвинув стул. – До свидания, – небрежно бросает репродуктологу.

Хватает меня за руку и дергает на себя, заставляя встать. Быстро шагает на выход, волоча меня следом, словно куклу. Успеваю промямлить доктору слова прощания – и вылетаю за дверь.

– Антон, – жалобно зову, путаясь в каблуках и спотыкаясь.

– Что «Антон»? – рявкает он на весь коридор. – Хочешь ЭКО от донора, здоровая ты моя? – со злобой кричит. – У нас нет таких денег, – быстро находит причину отказать, хотя даже стоимость не уточнил.

По пути мы чуть ли не сбиваем с ног какую-то женщину. Она изучает нас некоторое время: не каждый день увидишь подобное «шоу». А потом возвращается к беседе с рыжеволосой девушкой, что стоит ко мне спиной.

– Все образуется, – заверяет ее.

С грустью смотрю на подрагивающие от всхлипов плечи и вздыхаю. Видимо, у девушки тоже какие-то проблемы. В этой клинике собираются несчастные вроде нас с Антоном...

Домой мы возвращаемся в полной тишине. Пока я переодеваюсь и принимаю душ, Антон скрывается за дверью кухни. И это не к добру. Мне бы переждать, пока он остынет.

Но я не могу оставить мужа одного в такой момент. Аккуратно толкаю пластиковое полотно, бесшумно подхожу к столу. С жалостью наблюдаю, как Антон наполняет стакан и опустошает залпом. Муж привык топить проблемы. А я терпеть не могу, когда он пьет.

Тем не менее... Делаю вдох и опускаюсь на стул напротив.

– Антош, мы справимся, слышишь? – отодвигаю бутылку, что стоит между нами, в сторону.

Муж вонзается в меня бесцветными, опустошенными глазами.

– Как? Что родителям и друзьям говорить? Какой я ущербный? Или объявим себя чайлдфри? – вливает в себя еще одну порцию, морщится. – Или в детдоме непонятно кого с плохой генетикой возьмем? – каждое слово ядом пропитано.

Абсолютно не согласна с Антоном. Все от воспитания зависит. Но я здесь не для того, чтобы спорить. Договориться хочу. Найти компромисс, чтобы сохранить семью нашу.

– Ну, можем же рассмотреть возможность сделать ЭКО. Пусть нам подберут донора в базе, на тебя похожего, – накрываю его крепко сжатый кулак ладонью. – Цвет волос, глаз, группа крови... Это будет наш с тобой малыш и больше ничей, – закусываю губу изнутри и умолкаю, наблюдая, как муж багровеет от злости.

Отпускаю его руку и на всякий случай отодвигаюсь от стола. Боюсь, когда он такой.

– А почему бы тебе не рассмотреть возможность пойти и переспать с кем-нибудь? – с уничтожающей яростью цедит Антон, будто я когда-то ему изменяла. – Это будет дешевле. Вообще бесплатно. А если постараться хорошо, так еще и заработаешь, – ухмыляется зло.

– Антон! – подскакиваю с места возмущенно. – Это не одно и то же!

– Пф-ф, – закатывает глаза. – Для меня одинаково. Я не собираюсь столько бабла вываливать за ребенка от чужого мужика. Бред! – раздраженно смахивает со стола стакан, и он разбивается вдребезги о плитку на полу.

Вздрагиваю от его грубых слов. Все-таки мы о ребенке говорим. Но Антон настроен категорично.

– Успокойся, дорогой, – прошу мужа. – Не будем об этом.

Окинув его взглядом, разворачиваюсь, чтобы уйти.

– Короче, так, – бросает мне в спину так холодно и цинично, что невольно покрываюсь мурашками. – Никаких ЭКО, доноров и детдомов! Или так живем, или проваливай к чертям. Ищи себе быка-осеменителя!

Больно от его слов. Обидно дико. Но я подавляю эмоции. Продолжать разговор, когда муж в таком состоянии, бессмысленно. Антона не переубедить.

Сбегаю. Запираюсь в спальне, прячусь под одеялом. И плачу. Ведь точно знаю, что никогда не предам любимого человека. Не смогу бросить его в беде.

Буду рядом...

Но это значит, что у меня не будет детей. Я не стану матерью, не прижму к груди крохотный пищущий комочек. Не буду наблюдать, как он растет и превращается в личность.

Антон и я. Только вдвоем. Без всякой надежды.

Без будущего.

Готова ли я на такую жертву ради любви? Не знаю... Ничего не знаю!

Поэтому утыкаюсь носом в подушку и реву надрывно.

Спустя время Антон вдруг заявляет, что передумал. И нашел деньги на процедуру ЭКО. Ставит единственное условие – сделать его в клинике за границей, чтобы в России никто не узнал об этом. Потому что хочет сохранить свой диагноз в тайне.

А я согласна на все, что прикажет муж. И готова лететь с ним хоть на край света. Ради НАШЕГО малыша.

Сейчас. Снежана

На протяжении всех выходных мой истерзанный мозг пронзали воспоминания. Крутились в сознании, словно в мясорубке. Мучили меня, били больно.

И вот сейчас я вновь «просматриваю» кадры прошлой жизни с Антоном. Понимаю, насколько глупа была. Как много я ему прощала. Чем жертвовала ради него.

А взамен получила жуткий синяк на пол-лица, который я старательно пытаюсь замазать тональным кремом...

Я любила своего мужа. Искренне, немного наивно, без памяти.

А он меня?

Второй слой тоналки ложится на скулу. Гематома становится бледнее, однако царапина от обручального кольца все еще проступает коричневато-красной полоской.

Замираю. Опускаю взгляд на безымянный палец правой руки. Одним движением проворачиваю колечко из белого золота, что крутится внутри красного. Так называемый «антистресс».

Шумно выдыхаю – и рывком снимаю обручалку. Откидываю на столик.

Кольцо катится по поверхности и улетаёт куда-то на пол. А мне плевать.

– Что ты решила, дочка? – на пороге комнаты появляется мама.

Опирается плечом о косяк двери и обхватывает себя руками. Заметно нервничает.

– Разве есть варианты? – фыркаю я и продолжаю наносить макияж. – Я подаю на развод.

– Хорошо подумала? – уточняет чуть слышно, а я яростно сжимаю кисть в руке.

– Мама, – поворачиваюсь к ней и скулу демонстрирую. – Антон помог мне определиться, – возвращаюсь к зеркалу. Яростно провожу кистью по коже. – С ним мне зарплаты на косметику не хватит. Кстати, сам он в финансах меня ограничил. И прогнал работать.

– Как же так, – сокрушается мама и садится на край кровати позади меня. – Такая семья была. Такая любовь... Может, Антон на эмоциях? Зацепила ты словами его грубыми? Наверное, он жалеет теперь...

– Все выходные «жалел». Так сильно, что не позвонил даже, – выдаю с обидой в голосе. – А что если в следующий раз он... на Риту руку поднимет? М-м-м, мам? – опять оглядываюсь.

Она взгляд опускает, молчит задумчиво.

Я же мельком смотрю на часы и подскакиваю мгновенно.

– Черт, опаздываю! Сегодня мой первый рабочий день! Не хватало еще проштрафиться из-за синяка, – стискиваю кулаки со злостью.

Хватаю сумку, бросаю в нее косметичку, не забыв взять тональный крем. На всякий случай. Чтобы подправить «грим».

Чмокаю грустную маму в щеку, мчусь в комнату к Рите, чтобы поцеловать ее спящую на прощание. И только потом со спокойным сердцем направляюсь в офис. Доказывать новому боссу, что он просто жить не сможет без такой помощницы, как я.

Надеюсь, Шторм не пошутил тогда в кондитерской?..

Глава 6

Некоторое время спустя

В приемной непривычно пусто. Само помещение кажется мне незнакомым, чужим, ведь в день собеседования у меня не было ни возможности, ни моральных сил рассмотреть его. Я запомнила лишь гудящую толпу, духоту, бешеный стук собственного сердца и... карамельные глаза босса. И еще его слова об акулах. Тогда, в лифте, я не придала им особого значения, но сейчас...

Я растерянно переминаюсь с ноги на ногу, оглядываюсь. Но табличка на дверях кабинета свидетельствует о том, что я пришла по адресу.

Вадим Шторм, генеральный директор.

И мой единственный шанс встать на ноги после полутора лет декрета.

Сделав глубокий вдох, стучусь в дверь. Не дождавшись приглашения войти, опускаю ладонь на ручку и надавливаю. Заперто.

Нахмурившись, скольжу взглядом по циферблату своих часиков: босс опаздывает на десять минут. Впрочем, как о начальстве говорят? Задерживается?

За спиной раздается частый цокот каблуков. Не успеваю повернуться на звук, как меня припечатывает стервозный голос:

– А вы, собственно, кто?

Оглядываюсь и сканирую тонкую фигуру, облаченную в блузку с расстегнутыми пуговицами в области декольте и облегающую юбку. Выглядит прилично и вызывающе одновременно.

Поднимаюсь к лицу девушки. Оно могло бы быть симпатичным, если бы не слой макияжа и кривая гримаса. Впрочем, сегодня и я, благодаря стараниям Антона, выгляжу, как фарфоровая кукла.

И как назло гостя впивается взглядом в мою распухшую скулу. Импульсивно поправляю волосы, прикрывая «подарок» от мужа, отворачиваюсь от света и молюсь, чтобы слой тоналки не успел размазаться.

– Меня зовут Снежана. Новая помощница Вадима Шторма, – руку протягиваю, но мой жест нагло игнорируется.

– Мне о вас ничего не говорили, – надувает девушка губы, отчего они кажутся еще пухлее. – Выйдите и подождите в общем отделе, пока я узнаю, – приказывает неожиданно.

Тон такой, будто она здесь хозяйка. Или... любовница босса. Надеюсь, что не последнее.

– Нет, пожалуй, я останусь на своем рабочем месте, – складываю руки на груди. – И вы не представились.

– Думаешь, если на собеседовании всех обскакала, то хамить можешь? Не с того ты знакомство с коллективом начинаешь, выскочка, – цедит она надменно.

Чувствую, что у меня сдают нервы, и без того расшатанные поступком мужа, беспокойством за дочь и в принципе страхом перед первым днем в медиахолдинге.

Мысленно считаю до семи (мое счастливое число) и обратно. Слегка приподнимаю уголки губ, но в свои слова вкладываю максимум строгости.

– Мы с вами не переходили на «ты», – и улыбаюсь шире. – Мы не подружки, а коллеги...

– Ненадолго, – звучит угроза.

Затиhaю, не желая продолжать бесполезный спор. И так утро не задалось. Молчит и девушка, испепеляя меня взглядом.

Но тяжелые мужские шаги приковывают внимание нас обеих.

– Лизонька Геннадьевна, марш к себе, можешь больше не сторожить кабинет главного, – голос звучит строго, но с издевкой. – У него теперь личная охрана, – внимание обращается на меня.

Лиза молча обходит меня, намеренно плечом задев, и, улыбнувшись мужчине мило, покидает приемную.

Я же окидываю взглядом незнакомца средних лет, упакованного в деловой костюм. Лихорадочно вспоминаю, где я его видела. Перебираю образы в голове. Нахожу нужный. Кажется, это он приглашал «блондинку в бежевом платье» на собеседование.

– Доброе утро, я... – откашлявшись, хочу представиться.

– Снежана? – узнает сразу же. Хотя мы виделись не дольше пары минут. – Меня зовут Роман, – пожимает мне руку. – Я заместитель Вадима.

– Очень приятно, – тяну настороженно. – А... Лиза Геннадьевна? – киваю на выход.

– Начальник отдела по связям с общественностью, – называет ее должность, заставив меня напрячься. – Но тебя это не должно беспокоить, – отмахивается, заметив мою растерянность. – Запомни, ты находишься в непосредственном подчинении у Вадима. Слушаешься только его приказов, – чеканит серьезно. – Даже меня можешь лесом посылать, – выдает со смешком.

– Пожалуй, воздержусь, – улыбаюсь в ответ. – Послушайте, Роман... – делаю паузу и многозначительно смотрю на него.

– У меня сложное отчество.

– И все-таки?

– Роман Редиванович, – сдается мужчина.

– Я запомню, – киваю поспешно, а сама бережно сохраняю эту информацию где-то между детскими песнями и графиком питания Ритки.

– Послушай, Снежана. Ты допущена в святая святых холдинга – личные покои Шторма, – смеется он, наблюдая, как я мрачнею от подобного сравнения. – Так вот. Тут или пан или пропал. Или Вадим принимает тебя в качестве личного помощника – и тогда все в пределах этого помещения будут на «ты». Ему так проще. Или увольняет. Так что расслабься.

– Легко сказать, – вздыхаю я. – А где сам Вадим Дмитриевич?

– В последний год он отвратительно распоряжается своим временем. Для этого и нужна ты, – довольно голову задирает, словно наконец-то сбаврил непутевого подопечного. – В общем, жди его здесь. Если придет кто-то или позвонит – Шторм «на важном совещании в Мининформ», – поднимает палец вверх и брови сводит.

– Да, поняла, – машу головой. – Спасибо.

– Пока не за что, – пожимает плечами Роман. – Вода, чай-кофе там, – указывает рукой в сторону угловой стойки для приемной. Заглядываю за нее и замечаю напольный кулер в углу, ближе к окну. – Располагайся, – кивает довольно. – Да,

если вдруг решишь сделать приятное боссу...

– Кхм-кхм! – кашляю предупреждающе.

Что за двусмысленные намеки?

– Та-ак, с чувством юмора придется что-то решать, иначе не протянешь здесь долго, – хмурится Роман, но вскоре его лицо опять проясняется. – Так вот, вопреки стереотипам, наш босс не пьет кофе. Только чай, только зеленый и только холодный.

– А холодный-то почему? – хлопаю ресницами недоуменно.

– Вадим после рождения дочки отказался от кипятка, перешел на все холодное. Панически боялся забыться и ошпарить ее, у него в семье были случаи... Практически сразу привычка распространилась и на офис, – охотно сообщает, а я продолжаю «записывать» новые сведения на подкорку.

При этом невольно улыбаюсь и хмыкаю задумчиво.

Антон никогда не беспокоился о подобной, как он говорил, «ерунде». Делал так, как ему удобно. Так что нам с Ритой приходилось ускользать из кухни, когда он обедал. А со временем мы и график перестроили так, чтобы не пересекаться с равнодушным папой.

– Если честно, у нашего босса много тараканов, Снежана, – шепчет Роман заговорщически. – Чем смог – помог. С остальными – сама будешь знакомиться. Удачи.

Заместитель босса покидает приемную, оставляя меня одну. Захожу за стойку, скусающим взглядом окидываю пустой стол, где не замечаю ни одного документа или плана-графика, цепляюсь за закрытый ноутбук – и не решаюсь включить его без спроса.

Никаких заданий или распоряжений. Вот и чем мне заняться? Терпеливо ждать Вадима? Изредка отвечать на звонки и, как птица-говорун, повторять ложь про Мининформ?

Слишком много нулей в зарплате, чтобы я сидела без дела.

Поэтому... иду делать чай. По пути воспроизвожу в сознании: зеленый, не горячий.

Холодильника не нахожу. Значит, нет и льда. Есть только кулер с красным и синим кранами. Что же, приготовим боссу чай по методу Ритки-маргаритки, смешав воду.

Со стойким ощущением, что меня наняли не как помощницу, а как няньку, я подхожу к шкафчику. Вижу чай в пакетиках. И выбираю кружку. Останавливаюсь на большой, черной, с надписью «Boss». Честно говоря, она ужасная и безвкусная. Тем не менее, стоит на самом краю, на видном месте. Судя по всему, ею пользуются часто.

Бросаю пакетик в темную бездну, подставляю кружку под красный краник кулера, нажимаю и жду, пока заполнится наполовину. И в какой-то момент понимаю... что вода холодная.

– Кипяток здесь в принципе вне закона? – фыркаю себе под нос, но тут же обнаруживаю свою оплошность: нагрев отключен. Щелкаю кнопку, слышу характерное шипение и выпрямляюсь с чашкой в руке. Намереваюсь пойти и вылить воду, но...

– Да у нас тут лазутчик, – как гром среди ясного неба раздается насмешливый голос.

Но самое страшное, что я мгновенно узнаю его.

От неожиданности подскакиваю на месте. Разворачиваюсь резко, ударяюсь рукой о боковую грань кулера – и опрокидываю кружку на себя. Вода летит прямоком на зону декольте, растекаясь по блузке. Брызги метят в лицо – и я инстинктивно прикрываюсь ладошкой.

Совершив свое мокрое дело, «Boss» падает на пол и раскалывается на несколько крупных частей.

– Мать твою! – с неподдельным беспокойством орет Шторм. – Кипяток?

– Не-ет, – тяну я, опустив голову и пытаюсь оттряхнуть блузку. Но тщетно: шелковая ткань мгновенно пропитывается насквозь. – Я для вас чай делала. Холодный. То есть горячий, но... Нагрев не включила. И... – рукой взмахиваю в сторону крупных черных осколков на полу. – Вот...

Могу поспорить, что слышу в этот момент облегченный вздох. Но поднять взгляд на босса не решаюсь. Неудобно вышло.

– Ну, хоть так, – гораздо спокойнее произносит он, огибает меня и подходит к шкафчику. – А то поползли бы слухи, что я помощницу в первый же день сварил. У меня и так репутация среди подчиненных неважная, – переходит на шутливый тон.

Находит на одной из полок пачку салфеток – и мне протягивает. Я послушно принимаю, совсем невесомо касаясь его пальцев. Грубоватых, но теплых. Вадим делает шаг ко мне, и под его подошвой хрустит фаянсовый осколок.

– Кружка дурацкая, – усмехается Шторм. – Давно пора было ее грохнуть. Если бы сама не сделала, то я лично поручил бы тебе это.

– Извините, – шепчу виновато, а у самой руки дрожат.

– Не суетись, – произносит тише и приободряюще. – Нормально все. Бывает.

Но я все равно переживаю. Поворачиваюсь лицом к окну, чтобы разводы мокрые на себе лучше видеть, и принимаюсь лихорадочно вытирать зону груди. Беру свежую салфетку – и промакиваю лицо, которое испариной покрылось от волнения.

– Адрес говори. Роман водителя отправит, чтобы привез тебе блузку сменную и...

Цепкие пальцы вдруг обхватывают мой подбородок и резко вздергивают вверх. Наши с Вадимом лица теперь находятся непозволительно близко. Но он чуть отклоняется и подставляет к свету мою скулу. Ту самую! С синяком и царапиной!

Нервно сжимаю салфетку в руке и чувствую что-то липкое между пальцами.

Черт!

Видимо, я случайно повредила макияж, который и так держался на честном слове. Несколько касаний оказалось достаточно, чтобы проступил мой «секрет». Гематому скрыть сложно, особенно на третий день, когда она принимает неблагоприятные оттенки. И тем более под прямыми лучами дневного света.

– А это еще что? – всмотревшись в мое лицо, Вадим чернеет от злости.

Продолжает стискивать мой подбородок, но больно не делает. Наоборот, держит бережно и аккуратно. Большим пальцем свободной руки легко проводит по скуле. Вздрагиваю от теплого прикосновения и пугаюсь своей реакции. Забота постороннего человека обезоруживает меня. Да и ситуация складывается неоднозначная. Если зайдет кто-нибудь вроде Лизоньки, то может неправильно трактовать нашу со Штормом... почти интимную близость.

Судорожно убираю от себя руки Вадима – и пячусь назад, к стойке, увеличивая расстояние между нами. Упираюсь попой в край стола, хватаюсь ладонями в него, впиваясь пальцами в дерево, – и поднимаю голову, глядя на злого босса.

– Ночью в дверь не вписалась, ударилась об косяк, – вру я, потому что стыдно рассказывать о муже. Я словно из неблагополучной семьи сбежала. Хотя в наших с Антоном отношениях благополучием и не пахнет.

С каждым словом лжи, что слетает с моих уст, лицо Вадима меняется, становится разочарованным, а потом – до неузнаваемости бесстрастным и ледяным. Словно только что Шторм поставил на мне крест.

И подтверждением этому служит его короткий, хлесткий приговор:

– Уволена.

Шумно втягиваю носом воздух и теряю дар речи. Все, что я могу сейчас, – лишь ошеломленно ресницами хлопать.

Жду объяснений, но Вадим молча пролетает мимо, шагает к двери своего кабинета, с грохотом открывает ее – и так же громко захлопывает за собой.

Вздрагиваю, царапаю ногтями край стола, чувствуя боль, но это меня мало волнует сейчас.

Уволена?

Касаюсь пальцами щеки, что отдает резким импульсом, мысленно посылаю мужу самые изощренные проклятия и едва слезы обиды сдерживаю. Как глупо получилось!

Что теперь делать? Опять работу искать? А до того момента с дочкой затянуть пояса, которые и так были застегнуты на последние дырочки с легкой руки Антона.

Всхлипнув, обреченно тянусь за своей сумочкой, но тут же отбрасываю ее.

У меня жизнь из-за этого увольнения ломается. Но главное – по Ритке мое безденежье ударит.

Я хотя бы должна знать... ЗА ЧТО?

Собрав внутренние резервы, я рискую без стука ворваться в кабинет Шторма.

– Вадим Дмитриевич, вы не имеете права уволить меня без повода! – фыркаю с порога.

– Серьезно? – иронично изгибает бровь.

Встает с кожаного кресла, неторопливо обходит стол и останавливается, оперевшись бедром в его край. Руки на мощной груди складывает и делает вид, что готов меня слушать. При этом заранее зная исход.

– То есть... – проглатываю слова от волнения, но отступить не намерена. – Если у меня немного... подпорчена внешность, это не значит, что я неквалифицированный работник! Вы даже шанса мне не дали проявить себя

– Подпорчена внешность? – недоуменно брови сводит. – Снежана, мне плевать, как выглядят мои подчиненные.

– Но...

– Все просто, Снежана. В роли помощницы я хочу видеть бойкого и надежного человека. И поначалу ты мне показалась именно такой, – опускает руку и барабанит пальцами по столу. Раздражает. – Мне здесь не нужна жертва, которая мало того, что терпит побои, так еще и оправдания мужу ищет. Это ведь его рук дело? – взглядом на скулу указывает и опять злится. – Сама подумай, зачем мне запуганная, глупая девчонка, которая может не явиться в один прекрасный день на работу, потому что... ее муж убил. На черта мне эти нервы? Своих забот хватает, – добавляет задумчиво.

– Моя личная жизнь вас не касается, – бую я и голову опускаю, вспомнив о синяке и желая его спрятать. – И мои проблемы не должны вас волновать. Никто меня не... убьет, – сиплю, боясь этого слова.

О Ритке думаю. И в голове тот роковой вечер прокручиваю. Хорошо, что ребенка у мамы оставила. Боже...

Шторм отходит от рабочего места и меряет шагами пол.

– Продолжаешь прикрывать уroda? «Случайно», «один раз», «сама виновата», «это он так меня любит»... Типичная реакция жертвы, – выплевывает с разочарованием. – Ты в курсе, что домашнее насилие – основная причина смерти и инвалидности женщин в возрасте от 16 до 44 лет: от него погибают или теряют здоровье больше, чем от рака или ДТП, – чеканит, приближаясь к окну и разворачиваясь спиной ко мне. А тон такой равнодушный, будто он одну из своих журналистских статей озвучивает. – А ты дальше терпи, – подводит итог,

будто все обо мне знает. – Однако за пределами холдинга.

Ком обиды подкатывает к горлу, но я заталкиваю его обратно. Вместо него из глубин души вырывается нечто более темное и отчаянное.

– Знаете что! Хватит! – прикрикиваю я. – Вы, Вадим Дмитриевич, хам, деспот и самодур! С ужасным чувством юмора! – Шторм оглядывается и прищуривается, смотря на меня с любопытством. – Вам плевать, что ваши слова или действия могут ранить. И еще, я не жертва. Это... – указываю на свою скулу, – ...случилось со мной впервые. И я подаю на развод. Теперь мне как никогда нужна работа. Любая. Чтобы обеспечивать дочь.

– Где она сейчас, – перебивает резко. – С ним?

– Нет, конечно! – бросаю возмущенно. – С мамой моей.

– Развод? – уточняет и глаз с меня не сводит, будто считывая каждый мой импульс, как детектор лжи.

– Да! – выпаливаю искренне.

Сложив руки в карманы, идет ко мне. Останавливается буквально в паре метров, карамельным взглядом испепеляет. И это очень дезориентирует. Но одновременно сил придает, потому что я опять вспоминаю свою булочку Риту. Настолько, что я даже лицо свое побитое приподнимаю, чтобы смело встретить взгляд босса.

– Я хочу, чтобы ты впредь честно отвечала на мои вопросы, – выделяя каждое слово, говорит Вадим. – Если мы планируем работать вместе, то доверие обязательно!

Прокручиваю его фразу в голове снова и снова. Подвох ищу.

– А мы... – сглатываю нервно, – ...планируем?

Глава 7

Вадим медлит с ответом. Молчу и я, стиснув губы до покалывания. Возможно, я должна придумать еще какие-то оправдания? Просить Шторма оставить меня на работе. Умолять, пасть на колени перед великим боссом. Но я не чувствую себя виноватой, мне не за что извиняться. А играть не умею. Да и, судя по реакции Вадима на мою ложь, он раскусит меня в два счета и точно прогонит.

Будь что будет! По крайней мере, я попыталась.

Теперь остается лишь ждать приговора.

Невольно прислушиваюсь к тиканью настенных часов и пытаюсь унять стук собственного сердца, которое разошлось не на шутку и, кажется, гроыхает на весь кабинет.

В то время, как у меня все внутри леденеет от неизвестности и я не могу унять дрожь в теле, Шторм неторопливо возвращается к столу. Перебирает какие-то бумаги, при этом даже глаз на меня не поднимает, будто я вдруг перестала существовать.

Напоминаю о себе негромким покашливанием. Вадим продолжает свое занятие, не реагируя на меня. Словно я невидимка. Хочется ущипнуть себя, чтобы убедиться, что я все еще здесь, настоящая.

– Вадим Дмитриевич, – строго и громко зову я, устав от такого откровенного игнорирования.

Босс в мгновение ока оказывается напротив меня и протягивает стопку листов, в которых все разлинеено и почеркано. Принимаю машинально.

– Что это? – крепко сжимаю бумаги, оставляя на краях мятые следы.

Пытаюсь вчитаться в текст, но слова плывут перед глазами. И если печатный текст с трудом, но еще могу разобрать, то пометки на полях будто на другом языке сделаны. Инопланетном. Почерк неразборчивый. Размашистый, неровный и загадочный, как сам Шторм.

– Мой график совещаний и встреч на неделю, – отойдя от меня, он опускается в кресло. – С контактами заказчиков и партнеров, – откидывается на спинку расслабленно. – Так вот, мне он не нравится.

Свожу брови, бросаю быстрый взгляд на Вадима, встречаюсь с его горячей карамелью, а после, сделав глубокий вдох, возвращаюсь к бумагам. На этот раз изучаю их внимательнее – и каким-то чудом мне удастся частично пометки дешифровать. В состоянии аффекта, видимо.

– Кхм... – выдерживаю паузу, которая остро мне необходима, чтобы с мыслями собраться. – Плотный график, – задумчиво хмыкаю и слышу недовольный смешок босса. – Это нормально, что тут есть дни, где на одно время несколько совещаний записано? – отрываюсь от плана и исподлобья на Шторма смотрю.

– Роман договаривался. У него, видимо, есть маховик времени, только со мной он делиться не хочет, – говорит в своей, как я заметила, привычной игривой манере. Но тут же на серьезный тон переходит. – Снежана, я буду благодарен, если ты сможешь упорядочить весь этот трэш, – не выдержав, потирает и сдавливая переносицу, словно мучается от мигрени. – Какие-то встречи нужно сдвинуть, какие-то и вовсе перенести на следующую неделю. Созвонись со спорными клиентами. В конце концов, подключи обаяние – у меня с этим напряженка, я только хуже сделаю, – заканчивает уже с ухмылкой.

– Ясно, я попробую, – тяну неуверенно, но вспоминаю о желании босса видеть «бойкую и решительную» помощницу. – То есть... да! Я все сделаю, – киваю поспешно.

Прижимаю бумаги к груди, однако сразу отстраняю от себя, вспомнив о мокрой блузке. Незаметно смахиваю влагу с листов, но она успевает впитаться, размазав и без того неразборчивые надписи Шторма.

Вадим неотрывно следит за каждым моим движением, а затем, не обронив ни слова, пододвигается к столу. Ищет что-то среди документов и папок.

Неудачно развернувшись, случайно рамку цепляет локтем, и та падает фотографией вниз. Босс мгновенно поднимает ее, ставит на место и одним легким движением стирает несуществующую пыль с изображения.

Кто там запечатлен – я не вижу. Впрочем, это личное – и я не должна лезть в жизнь начальства.

Но почему-то не могу побороть любопытство. Меня словно какая-то неведомая сила тянет подскочить к столу, схватить рамку – и впиться взором в фото. Не понимаю, что со мной. Из последних сил сдерживаю странный порыв. Но глаз от пустого задника рамки отвести не могу. Как и избавиться от необъяснимой бури в груди.

– Роман, свободного водителя найди. Задание есть. Срочное, – рывкает Вадим внезапно, и я вскидываю голову. Босс говорит по телефону: видимо, его он и искал лихорадочно на столе. – Домой к Снежане нужно съездить и привезти кое-то, – скользит по мне взглядом, задерживается на декольте. – А еще в аптеку заскочить, – переключается на мое лицо. – Адрес и детали в смс скину.

Отключившись, вопросительно на меня смотрит. Так, что я молниеносно выпаливаю свой адрес.

– Приступай к работе, Снежана, – бросает босс, набирая текст в телефоне. – Сейчас Виктора к тебе пришлю, он сисадмин наш. Даст тебе все пароли и обеспечит необходимой техникой. Принтер, сканер... Сама ему скажешь, что тебе нужно. Ни в чем себе не отказывай, – заключает шутливо и на дверь кивает.

Срываюсь с места и, довольная, иду на выход. Но на пороге все-таки оборачиваюсь:

– Спасибо, Вадим Дмитриевич, я не подведу, – улыбаюсь я широко и искренне, но босс, взглянув на меня, почему-то хмурится задумчиво.

Сбегаю из кабинета этого переменчивого мужчины, пока он не передумал.

Буквально через полчаса стойка в приемной преображается. Оживает. Но мне некогда любоваться обновленным рабочим местом. До прихода Виктора я наспех поправила макияж и уложила волосы так, чтобы скулу прикрыть. И как только меня допустили к ноутбуку, погрузилась в жуткий график Шторма.

И вот сейчас я, словно робот, стучу по клавиатуре. То и дело поглядываю на пометки босса – и себя боюсь потерять в этом беспорядке.

Отвлекаюсь лишь на водителя, который передает мне пакет. Машинально раскрываю сверток, изучаю содержимое, пытаюсь переключиться на него после бесконечной вереницы дат, цифр и фамилий.

– Спасибо, но... – цепляюсь взглядом за новую блузку, с биркой и в упаковке. – Зачем? Разве мама не передала вам? – непонимающе на мужчину смотрю.

Боссу я не лгала – я действительно перебралась с ребенком к маме. На следующее утро после ссоры с Антоном успела прихватить наши с Ритой вещи. Воспользовалась тем, что муж отсыпался и не слышал, как я хозяйничаю в квартире. Правда, взяла я только самое необходимое. Остальное решила вывезти после развода.

И сегодня я предупредила маму по телефону о том, что водитель заедет. Все объяснила ей, но...

– Мне открыл какой-то баклан. И, выслушав, послал, – сообщает мужчина грубовато. – Я ездил по этому адресу, – показывает мне смс на телефоне.

Всматриваюсь в дисплей и чувствую себя так, будто на голову ушат воды вылили. Ледяной. А потом еще порывом штормового ветра с ног сбили.

Понимаю, что на нервах я случайно выпалила боссу не тот адрес. Не мамин, а... моего мужа.

Испуганно покосившись на дверь Вадима, мысленно подписываю заявление на увольнение. В его глазах «жертва» опять солгала. И плевать, что невольно.

– Тогда я созвонился с Романом Редивановичем – и дальше действовал по его инструкциям, – успокаивает меня водитель, и я не могу сдержать облегченного вздоха. – Размер он наугад назвал. Наверное, подойдет, – мельком оценивает меня, глядя сверху вниз.

Мгновенно заливаюсь краской. Никогда еще мужчины для меня одежду не выбирали. Но я бесконечно благодарна, что они боссу мою оплошность не сдали.

Собираюсь закрыть пакет, но замечаю на дне какой-то тюбик. Недоуменно достаю его, кручу в руках.

– А это по распоряжению Вадима Дмитриевича, – мгновенно отзывается водитель. – Ну, хорошего дня, – и исчезает за дверью.

Я же продолжаю рассматривать тюбик в голубом оформлении. Название читаю.

Крем от ссадин и ушибов. Детский.

У меня дома такой же лежит. Для Ритки на случай неудачных падений. Им же я на выходных лицо свое «разукрашенное» лечила.

«Еще в аптеку нужно заскочить», – звучат в ушах наставления босса, данные водителю.

И улыбка сама по лицу расплывается. За последние два года я отвыкла от того, что обо мне может кто-то заботиться. Антон был внимательным ровно до момента наступления беременности. Потом его будто подменили. Он не справлялся о моем самочувствии, не переживал, когда я лежала на сохранении, забыл о выписке. И в итоге окончательно отдалился.

А тут... посторонний человек. Побеспокоился. Без какого-либо умысла.

Думаю, мы с боссом все-таки можем сработаться. Но многое от меня зависит.

С этой мыслью быстро переодеваюсь в уборной и возвращаюсь в приемную. Обретя второе дыхание, обзваниваю партнеров Шторма. Несколько раз ошибаюсь номером, неверно распознав цифры. Подбираю нужные, словно код на сейфе. И тщательно помечаю все в графике, чтобы довести его до ума.

Параллельно улавливаю каждое «передвижение» босса. Я ведь должна знать, на месте ли он. Однако Шторм не собирается посвящать меня свои планы. Пропадает на час, видимо, уходит на какое-то совещание, потом как ни в чем не

бывало в кабинете закрывается. Через какое-то время опять отлучается куда-то. И все молча.

Босс-одиночка. Дикий какой-то.

Надо будет обсудить с ним это. Но позже – сейчас времени нет.

Погруженная в работу, упускаю момент, когда начинает темнеть. Полностью переделав план и проверив его, жму кнопку «Печать».

Прикрываю глаза, отдыхая под механический гул принтера. Стоит ему затихнуть, как раздается хлопок закрывшейся двери босса и звук провернутого в замке ключа.

Шторм не прощается. Кажется, он и не замечает меня из-за высокой стойки приемной. Судя по грохоту шагов, направляется напрямик к выходу.

– Вадим Дмитриевич, – подскакиваю я и кричу ему в спину.

Босс вздрагивает и оборачивается, ошеломленно меня сканируя. Будто видит впервые.

– Снежана, побереги мое слабое сердце, – подходит к стойке. – Я пока еще не привык к наличию помощницы, тем более в столь поздний час, – берет в руки распечатанный план, который я ему протягиваю без комментариев. – Что это?

Кажется, удивление его искреннее. Шторм забыл и обо мне, и о задании? Как он вообще компанией управляет, если такой рассеянный. Хотя, может, у него какие-то проблемы в семье. Недаром босс выглядит уставшим.

– Ваш новый график на неделю, – напоминаю ему. – Ознакомьтесь, – хочу улыбнуться, но вовремя осекаю себя. Я заметила, что Вадиму это не по душе.

– Так быстро? – его брови взлетают вверх.

– Я весь день на телефоне, – пожимаю плечами. – И «на ноутбуке», – нервно хмыкаю.

– Хм, да, – пробегает взглядом график. – Отлично, – переворачивает страницу и мрачнеет, чем вводит меня в замешательство. Где я напортачила? – Правда, завтра на восемь утра зря встречу назначила...

Воспроизвожу весь план в голове, мысленно «ищу» нужную строчку.

– Там Туманов, президент второго медиахолдинга и... – «ваш конкурент» – хочу добавить, но заставляю себя замолчать. Босс и так в курсе, не хочу лишний раз его злить. – Он и так недоволен был, что я его двигаю. С трудом удалось договориться. Туманов – сложный человек, – опускаю ресницы.

– Говнюк он, а не человек, – выплевывает с неожиданной злостью. – Прости, – добавляет, взглянув на мое ошеломленное лицо.

– Попробовать перенести? – уточняю, но не хочу этого делать. Мне Туманов по общению жутко не понравился, и я даже мысленно бога поблагодарила, что мне не пришлось работать в его холдинге.

– Нет. Оставь так. Не хочу тебя под танк кидать, – заставляет меня смутиться. – Но сама не опаздывай! Группой поддержки будешь, – смеется.

– Да, конечно, Вадим Дмитриевич, – забывшись, улыбаюсь в ответ.

– Когда наедине, можно без отчества, – бросает Вадим как бы невзначай и продолжает изучать свой план. – Так, а зачем мне на аппаратном совещании рядовой рекламщик? – хмыкает он.

– Что? Я всех по номерам обзвонила, – даю боссу почерканный им график, чтобы сравнил. – Вот, – пальцем указываю.

– Цифру перепутала, – исправляет он, однако опять коряво и, покосившись на меня, вслух номер проговаривает. – Вместо начальника пригласила одного из подчиненных. Седых волос ему прибавила. Всю ночь спать не будет, а думать, за что его «на ковер» вызвали. Завтра же перезвони и исправь недоразумение.

– Оштрафуете? – виновато вздыхаю. И думаю, сколько Шторм может из зарплаты вычесть. А ведь каждая копейка на счету.

– Не боишься, что такими темпами к концу месяца в минус уйдешь? – хохочет он беззлобно. – Нет, – серьезно отвечает.

– Извините, – опускаю ресницы.

– Не извиняйся. В целом красиво все сделала, аккуратненько, – улыбается тепло, разворачивается и направляется в свой кабинет, чтобы бумаги оставить там. – На сегодня свободна, – бросает по пути.

Взглянув на настенные часы, я едва сдерживаю смешок: я и так задержалась, ведь рабочий день полтора часа назад закончился. Но Шторм отпускает меня с таким видом, будто одолжение делает.

Шустро собираюсь и спешу покинуть компанию. Мчусь на остановку, понимая, что могу не дожидаться нужного автобуса. В столь позднее время они редко ездят по моему маршруту.

Лихорадочно прикидываю, как добраться с пересадками и сэкономить на такси, которое мне совсем не по карману. Но как назло на макушку падают первые капли дождя, и я запрокидываю голову, смотря в черное, затянутое тучами небо. Лицо постепенно намокает.

Только ливня мне сейчас не хватает! Еще и навеса нет на остановке. Запахиваю курточку, обхватываю себя руками.

Мимо меня проезжает белоснежный автомобиль. Невозможно не заметить – в глазах рябит от него. Слышала, что такой цвет считается наиболее безопасным на дороге: видно издалека.

Заставляю себя прекратить пялиться на машину, но она вдруг останавливается и сдает назад.

Осматриваюсь и понимаю, что я совсем одна. На пустынной дороге. Почти ночью.

На всякий случай испуганно пачусь назад.

Надеюсь, что автомобиль уедет прочь, но стекло вдруг опускается.

– Снежана? – по голосу узнаю Вадима. – Ты что здесь делаешь? – босс подается ближе к окну.

С неподдельным удивлением оглядывает меня с ног до головы. Мрачнеет. Думает, что все вокруг могут позволить себе личный транспорт?

– Автобус жду, – бурчу я.

– Так, понял, завтра машину для тебя выделим, – строго чеканит Шторм. – А пока... садись, – открывает дверь изнутри и приглашает меня устроиться рядом с ним.

– Вадим Дмитриевич, не переживайте, я сама доберусь, – предпринимаю слабую попытку сопротивления.

– Снежана, считай, что это поручение, – сурово произносит, но я чувствую, что он несерьезно. – Не исполнишь – оштрафую.

Невольно улыбаюсь в ответ на его очередную странную шутку. Но дождь усиливается, поэтому, вздохнув, спешу выполнить «поручение».

– Да вы тиран, Вадим Дмитриевич, – усмехаюсь я, греясь в салоне его автомобиля.

– Без отчества! Но спасибо за комплимент, – парирует босс. – Я отвезу тебя домой, однако прежде... – трогается с места и задумчиво на время смотрит. – Заедем за моей дочерью. Она сегодня у бабушки.

Слышу, как дождевые капли барабанят по крыше, смотрю на мокрые дорожки на лобовом стекле – и импульсивно кутаюсь в куртку. Шторм тут же включает обогрев.

– И все-таки неудобно вас утруждать, Вадим... – хочу обратиться полностью, но вовремя обрываю себя. – Вам потом с дочерью крюк из-за меня делать. В такой ливень, – говорю скорее ради приличия, потому что на самом деле рада, что босс проезжал мимо и предложил подвезти. Если бы не он, я бы вымокла до нитки – и домой добралась бы ближе к ночи.

– Внутри салона не капает, – хмыкает он, вбивая что-то в навигатор. – Тем более не такой уж и большой крюк получится. Я ведь правильно твой адрес запомнил? – разворачивает ко мне дисплей с построенным маршрутом.

Несмотря на то, что в машине становится все теплее, я начинаю дрожать. Стоит лишь название улицы увидеть.

Следует отдать должное, Вадим запомнил все в точности. Но как бы сейчас пригодилась его рассеянность!

Что мне делать? Соврать, выйти у дома мужа, а потом под дождем добежать до маминого? В принципе, там недалеко, но... Вдруг Антон выйдет во двор? Или на балконе в этот момент курить будет? Закон подлости никто не отменял.

И если босс опять поймает меня на лжи, то точно прогонит из компании.

– Не совсем, – тяну я, заламывая пальцы.

Пока Вадим выезжает с обочины на трассу и ускоряется, я выпаливаю на одном дыхании все, что случилось. Признаюсь, что ненароком перепутала адреса. Шторм слушает, не сводя взгляда с дороги, и при этом не проявляет ни единой эмоции. Продолжает молчать, когда я заканчиваю «выступить с повинной» и опускаю голову.

– Теперь точно уволите? – гипнотизирую свои руки, сложенные на коленях.

– Безусловно, – отзывается он, не глядя на меня. – Сначала оштрафую, а потом уволю, – чеканит серьезно. Хотя я и не успела досконально изучить своего босса, но сейчас я почему-то чувствую подвох. – Уволю тебя. И Романа. И водителя, – перечисляет Вадим, заставляя меня повернуться к нему. – Но так как я не знаю, кто именно ездил за вещами, то придется сократить весь штат водителей, – заключает уже с улыбкой.

Откашливаюсь, чтобы подавить облегченный смешок. И откидываюсь на спинку кресла расслабленно.

– Теперь ясно, почему вы помощницу так быстро выбрали. Знали, что все равно и дня не продержится, – хихикаю, успокоившись.

Ловлю на себе теплый взгляд босса. И куртку расстегиваю, потому что жарко в салоне становится.

– Ничего подобного. Ты мне понравилась как человек. Зачем мне «смотреть всех», если я определился? Глупая трата времени, а я свое время ценю, – Вадим поглядывает на часы, видимо, о дочери вспомнив, и прибавляет газ. – Кстати, за честность тебе плюс один «к уровню», – хохочет он. – Снежана, за все время, что я управлял холдингом, у меня не было ассистента. Не нуждался как-то. Но после рождения дочери многое изменилось, – неожиданно босса пробивает на откровения, поэтому я сижу тихо, как мышка. – Знаешь, приоритеты теперь иначе расставляю. И порой не могу уследить за всем в офисе. Роман тоже не справляется. Поэтому мне нужен кто-то для подстраховки. Будешь моими глазами, ушами и здравым смыслом, Снежана, – ухмыляется.

– Всего-то! – фыркаю в ответ. – Я справлюсь, – обещаю серьезно. – Правда, у меня у самой дочь такого же возраста, как и у вас...

– Черт. Все-таки мы обречены, – подтрунивает Шторм и поворачивает резко, а я на всякий случай пристегиваюсь. – Если еще трястись перестанешь, то цены тебе не будет, – косится на меня, и я выпрямляюсь. – Адрес матери скажешь? – одну руку оставляет на руле, а вторую – протягивает к навигатору.

Диктую, на этот раз без ошибок, жду, пока Вадим выберет нужный пункт. Но он отвлекается на трель входящего звонка, что раздается на весь салон. Включает громкую связь, чтобы руки не занимать: он и так несколько задач на полном

ходу выполняет.

– Привет, зай, – доносится из динамика женский голос. Приторный и визгливый. Хочется прикрыть уши, но я лишь зубы стискиваю. Боковым зрением замечаю, как морщится босс.

– Да, Лена, – отвечает Вадим прохладно и на меня косится.

Отворачиваюсь к окну, затихаю и принимаю равнодушный вид. Не хочу мешать разговору.

– За-ай, а мы тут... – игриво распевается... его жена? Скорее всего.

– Ближе к делу, я не один в машине, – зачем-то уточняет Шторм.

– Едешь уже? Вот поэтому я и звоню... – щебечет она.

Тараторит что-то дальше, но я не слушаю ее. Все внезапно перестает существовать. Станный босс, уютный салон его автомобиля, ливень за окнами, звонок чересчур громкой дамы...

Нет больше ни-че-го!

Есть только тоненький визг на фоне, который для меня выходит на первый план. Затмевает все остальное, стирая и устраняя ненужное. Проникает в душу, заполняет ее собой и рвет на части. Жестко, больно, беспощадно.

Есть только... детский крик. Жалобный, немного требовательный и такой... живой.

Всего лишь писк чужого ребенка, который не должен меня трогать.

Тогда почему я рассыпаюсь на атомы, не в силах собраться вновь?

Прижимаю руку к груди, пытаюсь унять взбесившееся сердце. Приоткрываю губы, чтобы сделать вдох, но легкие парализует. И утыкаюсь лбом в холодное

стекло.

Есть. Только. Плач дитя.

Зовущий.

Важный.

Знакомый.

И именно он, словно машина времени, отбрасывает меня в тот роковой день, когда я потеряла часть себя...

Глава 9

Год назад

Снежана

– Так, схватка! Тужься! – приказывает акушерка.

Несмотря на то, что тело пронзает импульсами и выкручивает, я слушаюсь. Стараюсь делать все, что мне говорят. Правда, боль туманит разум. И тогда на помощь приходит четкий, строгий голос.

– Еще!

Я на грани потери сознания, но выполняю все в точности. Ради моих малышей. Спазм прокручивает внутренности, как через мясорубку, и отпускает...

– Дыши! – спокойнее. – Отдыхай, девочка.

Всего пару минут. Запрокидываю голову. Хватаю рукой воздух рядом с собой.

– Анто-он? – жалобно стону в перерыве между потугами.

– Твой муж отказался присутствовать на родах, – сообщает акушерка, заботливо стирая пот с моего лица.

Позволяю себе выпустить слезы.

Хнычу, потому что Антон оставил меня одну гореть в аду. Он не позволил прийти моей матери. Уверял, что сам будет рядом.

И бросил.

Я слишком слаба, и муж знает это. Я безумно нуждаюсь в поддержке. Особенно сейчас.

– Ничего, девочка, все хорошо будет, – нашептывает акушерка ласково. – Оно и к лучшему. Знаешь, какие мужики впечатлительные. Испугается – потом год спать с тобой не будет, – хохочет она, пытаюсь приободрить. Но у нее не получается.

– Антоша, – сиплю, как обиженная маленькая девочка, и кусаю губы, слизывая соль от слез.

Теперь не только страшно и больно, но и... одиноко.

Стоп!

Соберись, жалкая Снежана! У тебя двое детей! Которых еще надо родить!

– Тужься! – прорывается в мой мозг. И опять заводит тот же механизм.

Вот только я не робот. И мне. Безумно. Больно!

– А-а-а! – до хрипоты.

Вдох. И снова.

Минуты сливаются в часы.

Я теряю связь с реальностью. Перестаю понимать, что происходит.

Есть только дикая боль. Мои истошные вопли. Голоса врачей.

И, наконец, первый крик моего ребенка. А потом – едва уловимый запах. Родной, любимый. Прижимаюсь губами к влажному лобику. Сквозь пелену слез пытаюсь разглядеть черты лица, крохотного, кукольного. Но малышку забирают.

– Давай еще! Сейчас! Тужься!

На этот раз все происходит легче и быстрее. Но все же я успеваю коротко помолиться. Попросить здоровья моим девочкам. И счастья. А еще добавляю мысленно, что последнее им обеспечат любящие родители. Клятву приношу.

– Больно-о-о. А-а-а!

Финальный крик – и вслушиваюсь, тяжело дыша. Проходит не более пары секунд, которые кажутся мне вечностью, прежде чем доносится писк второй дочки.

Все в порядке! В порядке!

Обессиленно падаю назад, слегка ударяясь затылком. Но мне все равно.

Плевать на то, что делают дальше с моим безвольным, сгорающим в агонии телом. Не реагирую на перешептывания медперсонала. И отдельные слова должны бы насторожить меня. Однако я нахожусь в прострации.

– Кровотечение... Наркоз...

Голоса отдаляются. Как и крик второй малышки.

Я отключаюсь, но с улыбкой на лице. Не важно, что будет со мной. Главное я сделала.

Обе мои дочери появились на свет...

Несколько часов спустя

Медленно открываю глаза и жмурюсь от яркого света, что отражается с потолка. Ворочаюсь, чуть приподнимаю ресницы. Замечаю капельницу, трубка которой тянется к сгибу локтя. Стараясь не двигать рукой, продолжаю искать взглядом детей.

– Очнулись? – появляется в дверях акушерка. Не та, которая была со мной при родах. Другая. Незнакомая. – Отошли от наркоза? – пожимаю плечами. – Голова болит?

– Да, давит жутко, – жалуюсь.

Мгновенно забываю о любом дискомфорте, когда в палату ввозят прозрачный короб. Впиваюсь взглядом в розовый сверток внутри, узнаю пледик – один из тех, которые я покупала для моих детей. Вижу, как малышка копошится в одеялах, попискивает.

Терпеливо жду, когда мне принесут вторую дочь. Покажут обеих, будут меня учить к груди их прикладывать.

Но акушерка мнетя на месте, потом выходит – и возвращается с Антоном. Недоуменно свожу брови. Хмурюсь, когда муж приближается и за руку меня берет. Молча.

– А где моя вторая малышка? – с опаской уточняю я и тут же начинаю строить предположения. – В кувез ее пришлось поместить, наверное? Но все ведь нормально с ней будет? Когда мне можно к ней сходить?

Я много читала перед родами. Знаю, что двойни часто рождаются маловесными, да и мои булочки на УЗИ показывали чуть больше двух килограмм. Их теперь придется выхаживать, поддерживать температуру тела...

Но, судя по тому, как бледнеет акушерка и поглядывает на Антона, все гораздо серьезнее.

– Нам очень жаль, – произносит три слова, от которых обрывается все внутри. – Второй ребенок родился мертвым...

– Что-о? – ору на всю палату. Так внезапно, что доченька заходится плачем. – Нет! – шиплю, не желая больше пугать ее. – Ложь! – приподнимаюсь на локте, и катетер впивается в вену. – Я слышала ее крик!

Антон берет меня за плечи, желая успокоить. Но ни слова не говорит. Будто онемел внезапно.

– Это был крик первой малышки, – спорит акушерка. – Вот она, – указывает на ворочающийся сверток.

Общается со мной, как с сумасшедшей! А сама нагло лжет!

– Нет! Вы врете! Вы даже при родах не присутствовали, – выплевываю обвиняюще. – Где моя дочь? Антон! – с мольбой смотрю на мужа. Защиту в нем ищу.

– Соболезную, мась, – он целует меня в лоб. Будто я тоже покойница. Хотя так и есть! Я не переживу смерть собственного ребенка.

– Нет, – отталкиваю его, рывком подскакиваю, пытаюсь сесть. – А-ай! – воплю от резкой вспышки внутри.

Сильные руки обхватывают меня, не позволяя навредить себе еще больше. Но я трепыхаюсь в объятиях мужа, как раненая птица.

– Успокоительное! – орет кто-то чужой над ухом. – Вам нельзя вставать, что же вы творите, – обращено уже ко мне.

Вижу, как мою малышку увозят. Подальше от свихнувшейся матери?

– Верните! – срываю голос. – Обоих верните!

Ощущаю, что через погнутый катетер в вену с трудом вводят что-то ледяное. Сопrotивляюсь, когда меня силой укладывают на койку. До последнего борюсь.

– Тише, мась, тише. Нет ее. И не надо тебе ЭТО видеть, – нашептывает муж, но я ему не верю. – Нельзя тебе. Я сам разберусь.

Чувствую, как тело становится ватным. Пытаюсь заорать, но не могу. Словно в ночном кошмаре, когда бежишь на месте и открываешь рот в немом крике. Но страх все равно настигает.

Погружаюсь в свой персональный ад, в котором проведу весь следующий год, оставив в огне половину себя.

Сейчас. Снежана

– Снежана, просыпайся, приехали, – вырывает меня из полубредового состояния бархатный мужской голос.

Щеки касаются холодные пальцы, контрастирующие с окружающей жарой. Аккуратно волосы убирают, проводят вверх к виску. Не сопротивляюсь. Нет ни сил, ни желания.

Устало поворачиваюсь – и тону в знакомом карамельно-янтарном взгляде. Родном таком, что хочется пролепетать: «Я дома». Уголки губ ползут вверх, рисуя улыбку на моем лице.

Но... поморгав часто, я окончательно прогоняю сон – и возвращаю себе образ серьезной, деловой женщины. Потому что напротив меня – Вадим Шторм. Так близко, что аромат его втягиваю носом. Мой босс пахнет свежестью, дождем и немного зеленым чаем. А еще настоящим мужчиной, как бы странно это ни звучало. В нем нет ни намека на табак, алкоголь или пот, чем частенько грешит Антон в последние два года.

Шторм другой. Абсолютно.

Сложно объяснить. Это нужно чувствовать. И не поддаваться!

Что за игры разума?!

– Вадим, – выпрямляю спину, поправляю остатки прически и осматриваюсь. – Приехали? – только сейчас осознаю его фразу. – Куда?

Привыкнув к темноте за окном, различаю черты знакомой местности. Мы припарковались во дворе моей мамы. Напротив подъезда.

– По тому адресу, что ты назвала, – хмыкает Шторм.

– А как же дочь? – на выдохе.

Чувствую, как спина покрывается липкими мурашками от одного лишь воспоминания о детском плаче в динамике. Медленно поворачиваюсь назад – и с неадекватным волнением ищу малышку Шторма. Но в детском автокресле пусто.

– Так жена забрала, – отвлекает мое внимание Вадим. – Она ведь при тебе звонила, – прищуривается, с подозрением сканируя меня. – Я даже не заметил, в какой момент ты вырубилась, – его тон становится обеспокоенным. – Ты нормально себя чувствуешь? Побледнела так, – наклоняется, изучая мое лицо.

Свет фар мимо проезжающей машины бьет через лобовое стекло и падает на мою ушибленную скулу. Макияж потек под дождем – и синяк наверняка опять видно.

– Ты дома точно будешь в безопасности? – хмурится Вадим и почти невесомо касается тыльной стороной ладони моей «разукрашенной» Антоном щеки. Тут же руку убирает, словно извиняясь за то, что пересек мое личное пространство. – Перенервничала из-за уroda этого? – кивает на синяк.

Багровею от стыда, но в то же время задыхаюсь от нашей близости. После приступа и потери сознания, а именно это со мной и произошло в машине, я стала уязвимой. Подобное случалось раньше, во время затяжной депрессии,

которая, кажется, не отступила. И я в такие моменты остро нуждалась в заботе. Поначалу тянулась к Антону, но его «помощь» ограничивалась быстрой близостью. Поэтому я научилась самостоятельно приходить в себя. Переключать внимание на Ритку, напоминая себе, ради кого я живу.

И вот сейчас в самый острый момент рядом оказался... мой босс. Излишне заботливый. Неправильно внимательный. Необъяснимо близкий.

Встряхиваю себя мысленно.

Пора. Прекращать. Этот бред!

– Кхм, конечно, в полной, – отклоняюсь и взгляд прячу. – И со мной все в порядке. Просто тяжелый день выдался, – лепечу я сбивчиво.

Дрожащими руками куртку застегиваю, беру сумку, но лямка выскальзывает. Шторм опять оказывается вплотную ко мне, перехватывает мои вещи, подает галантно. А я в каждом его жесте тепло чувствую, которого так не хватает мне. Но оно чужое.

Ненавижу свою слабость. Боюсь бед натворить в таком состоянии.

Я в руки должна себя взять! Немедленно!

– Так, давай до двери тебя провожу, чтобы не грохнулась по пути, – добивает меня Вадим, и от этого в горле пересыхает. – Какой этаж? – глушит двигатель.

Набираю полные легкие воздуха, что меня немного отрезвляет. Желание найти в ближнем опору и защиту – постепенно притупляется. Ужасы прошлого отступают. Знаю, они не исчезнут, но пусть хотя бы не мешают сейчас сохранять деловые отношения с боссом.

– Нет, это точно лишнее! – возмущенно фыркаю я и дверь распахиваю. – До завтра, Вадим Дмитриевич, – бросаю резко, покидая салон.

Шагаю к дому, не оглядываясь. Но не слышу шума двигателя. Шторм ждет, пока я не войду в подъезд. И только потом уезжает.

На негнущихся ногах поднимаюсь на свой этаж, будто кукла сломанная.
Засовываю ключ в замок, но он стопорится. Не поворачивается.

Толкаю незапертую дверь.

Едва перешагиваю порог, как до слуха доносится мужской голос, от которого хочется кричать до тошноты, а потом вырвать, чтобы хоть как-то избавиться.

Сбрасываю с себя верхнюю одежду – и влетаю в зал.

На диване сидят мама и... Антон. Беседуют мило, словно все по-прежнему. Вот только ноющая боль в скуле не позволяет мне забыть, что произошло. А пустота в сердце напоминает, что назад дороги нет.

Однако Антон считает иначе.

Только завидев меня, он подзывает к себе Ритку, сидящую на ковре. Малышка перебирает игрушки, игнорирует папку, и тогда он поднимается сам.

Хочу подбежать к дочке первой, но не успеваю. Антон берет мою возмущенную булочку на руки и возвращается на диван уже вместе с ней. На колени ее к себе усаживает, в макушку губами прокуренными целует.

Изображает образцового мужа и отца. Перед моей матерью играет. Исполнив свою роль, этот артист погорелого театра победно смотрит на меня.

– Привет, мась, как первый рабочий день прошел? – спрашивает, но интонация агрессивная. Неужели мать этого не улавливает?

Муж зол. Видимо, он по-своему трактовал приезд водителя «за вещами».

Ритка недовольно ерзает в руках Антона, но он не отпускает ее. А сам взгляда с меня не сводит.

Сжимаю кулаки, специально как можно сильнее впиваясь ногтями в ладони.
Однако боль не отвлекает.

– Снежка, заждались тебя. Ужинать будем? – радостно щебечет мама.

Чувствую себя преданной...

Глава 10

Вадим

Провожая взглядом бодро шагающую фигурку Снежаны. Кажется, не моргаю даже, пока она не скрывается в подъезде. И даже потом не спешу уезжать. Завожу двигатель, включаю обогрев, укладываю ладони на руль, барабаню пальцами.

Но не трогаюсь с места. Не могу себя заставить, будто держит что-то. Прожигаю глазами закрытую дверь. Долго, пристально, внимательно. Словно там, за ней, что-то важное.

Мое.

Резко пресекаю поток дурных мыслей.

Да уж, тяжелый случай.

Женатый мужик, биг босс, как меня Роман издевательски называет иногда, – и засматриваюсь на свою помощницу, которую вижу второй раз в жизни. Хотя чушь! Я не сказал бы, что реагирую на нее неприлично как-то. Наоборот, вполне адекватно.

Снежана – обычная девушка. Серьезная и ответственная, но уставшая. Бойкая и остроумная, но жизнью побитая. И не только жизнью.

Руль зло сжимаю, как подумаю о том уроде, который руку на нее поднял. Как можно было? Снежана хрупкая такая. Кажется, дунешь – и унесет ее попутным ветром.

Жаль ее. Козлу досталась.

Признаться, не уверен, что Снежана разведется в итоге. Такие продолжают терпеть. Ради детей.

Кстати именно из-за ее годовалой дочери я и оставил Снежану на работе. Дал шанс, хотя не собирался.

Не потому что я бездушный козел, хотя есть такой грешок. Причина в другом. Не выживет женщина-тряпка в моем холдинге! Сожрут ее.

Но поздно. Решение принято. Да и в первый рабочий день Снежана хорошо себя показала. Старательная.

Единственное «но». Улыбка ее из колеи меня выбивает. Не соблазняет, ничего подобного, но дает необъяснимое ощущение родства.

Будто мы со Снежаной не чужие – и нас связывает что-то.

Выгоняю из головы помощницу, ругая себя за излишнее внимание к ней. И жму на газ.

Привычно кривлюсь, когда звучит рингтон входящего звонка, который Лена самостоятельно на себя установила. И спешу ответить, лишь бы противный голосок бездарной певички прекратил орать из динамика.

– Зай, скоро ты? – разносится по салону.

Нетерпеливо, нервно. И так громко, что затмевает ту самую певичку рингтона.

– А ты торопишься куда-то? – цепляюсь к жене сразу же.

За пять лет семейной жизни я наизусть ее вызубрил. Каждую повадку разгадать могу.

– М-м-м, не-ет, – тянет она, насторожив меня еще сильнее.

– Ты по собственной инициативе Алинку у матери забрала, названиваешь мне, якобы ждешь, даже спрашивала, как у меня дела, – задумчиво перечисляю. – Признавайся, Лена, ты уже натворила что-то и извиняешься так? Или только собираешься чудить и готовишь меня морально?

– Фи, опять шуточки твои, – фыркает жена, но тут же тактику меняет. – Соскучилась очень, любимый.

Лжет. Чтобы добиться своего. Как обычно. Вопрос лишь в том, что ей нужно конкретно сегодня.

Я не питаю иллюзий по поводу наших отношений. Я всегда любил Лену. Яркую, игривую, красивую, звонкую, как колокольчик. Она же позволяла себя любить. Я понимал все – и мне было этого достаточно. Я готов был окружить выбранную женщину заботой и роскошью, а от нее требовалось лишь находиться рядом. Создавать семейный уют и детей рожать.

Взаимовыгодное предложение. Сделка, от которой Лена, как любая здравомыслящая дама, не смогла отказаться. Я же взамен обеспечил ее всем.

Но после рождения Алинки жене лень стало даже имитировать некое подобие чувств. А меня... больше не удовлетворяет суррогат.

Впрочем, решающим фактором стало отношение Лены к дочери. Нормальные женщины посвящают всю себя ребенку, дарят ему нежность, заботу, любовь. В то время как моя жена удивляет наплевательским отношением. Ладно, ко мне, но к собственной дочери? Не понимаю.

Когда-то я мечтал, чтобы малышка родилась похожей на Лену, такой же рыженькой, голубоглазой. Но сейчас я рад, что Алина в меня пошла. Приятно видеть в ней свои черты.

Моя маленькая принцесса.

Слышу топот детских ножек на фоне и звонкий, требовательный лепет.

– Скоро буду, – отвечаю Лене с проступившей на лице улыбкой и теплом в дрогнувшем голосе. Только вот адресовано это не ей. А моей дочурке. Как и все оставшиеся чувства, которые я полностью сконцентрировал на Алинке.

– Па-па-па-па, – слышу прежде, чем переступаю порог.

Навстречу мчится моя малышка. Если можно так назвать то, как она неуклюже перебирает крошечными ножками. Качается, путается носками в высоком ворсе ковра, так и норовит упасть. И хоть здесь предусмотрено все для ее мягкого приземления, я все равно дергаюсь.

Сам иду навстречу и на руки дочь подхватываю. Оглядываюсь по сторонам, но не нахожу Лены в поле зрения.

– Принцесса, ты одна, что ли? – чмокаю Алю в щеку, а она тархтит на своем что-то. Отдельные слоги только понимаю.

– Ле-ена! – предупреждающе тяну, запрокинув голову.

Наорать бы, но прижимающаяся ко мне Алинка не позволяет этого сделать. Не хочу пугать ее.

Через минуту жена все-таки выползает из своей комнаты с телефоном в руке.

– М-м-м, что? Я рекламный пост выкладываю, – дисплей мне демонстрирует.

– Ничего не потеряла, нет? – бросаю колко и многозначительно киваю на ребенка в моих руках.

– Я на секунду отвлеклась, зай, а Алечка услышала, что ты пришел, и умчалась, – обиженно спорит. – Вот только что рядом была. И нет ее! Работаю же параллельно, не уследила немного.

В декрете Лена занялась интернет-рекламой. Сейчас она ведет соцсети одного из парфюмерных магазинов, пишет им статьи. Говорит, не хочет терять профессиональные навыки. Я, конечно, все понимаю, но не в ущерб собственной дочери же!

– Я не прошу тебя работать. Наоборот, максимально облегчил тебе жизнь. К нам приходят няня, уборщица, повар, хотя ты знаешь, что я терпеть не могу посторонних людей, – рычу я. – Ты ни в чем не нуждаешься. От тебя надо лишь иногда дочери внимание уделять. На черта ты вообще ее от матери забрала?

– Была неподалеку. Решила помочь тебе, чтобы ты не ездил, – и в улыбочке губы растягивает.

– Переодевала хотя бы? – перехватываю Алю под попу, чувствую холод и влагу.

– Так у нее подгузник, – выпаливает будто в свое оправдание.

– Переполненный, – легко хлопаю малышку по большому «памперсу», а она смеется звонко, немного успокаивая меня. – Их менять нужно, не слышала о таком? – закатываю глаза и в детскую с Алей поднимаюсь.

– Я думала, мама Валя все сделала, – бежит за нами следом Лена. Лучше бы внизу осталась и не бесила меня, ей-богу. – Да, Алечка? – сюсюкается, но мне кажется, что неискренне. Впрочем, может, я придираюсь...

– На-на-на, – равнодушно произносит дочь, пока я переодеваю ее. Неловкими движениями даже помочь мне пытается. Пальчиком в цветастую пижаму тычет, будто наряд выбирает. Настоящая девочка.

– Тебя дочь даже мамой не называет, – выплевываю ядовито, стараясь на Лену не смотреть. – Не смущает это?

Закипаю. Одев Алинку, оставляю ее играть на ковре. Сам выпрямляюсь и зло на жену зыркаю.

– Да, я ее научила, – хихикает она, довольная своей затеей. – Аля, скажи «Лена», – по слогам проговаривает.

Дочь смотрит на нее внимательно, губки надув. Потом бросает: «На-на-на» – и, потеряв всякий интерес к матери, поднимается на ножки. Топают в коридор, к цветочным горшкам, что стоят у стены. Я слежу за ней через проем двери.

– Лен, ты дура? – не выдерживаю я.

Я устал, не выспался, раздражен и опасен, черт возьми. А она ерундой мается!

Несмотря на злость, я не позволяю себе голос повышать. Нельзя при Алинке. Она должна расти в атмосфере любви и гармонии между родителями. Но где, мать ее, взять эту атмосферу?

– Ты чего такой грубый, зай? – Лена длинными ресницами хлопает, на жалость давит. В этом она мастер.

Хоть по образованию жена тоже журналист – мы как раз и познакомились с ней по работе. Но вот призвание явно актерское. Сцена по ней плачет.

– Какая «Лена», ты что выдумала? Может, дочери еще и на «вы» к тебе обращаться? Так у нас не восточная семья, – разгоняюсь сильнее. – Хотя тебе бы не помешал муж строже, – цежу сквозь зубы.

Краем глаза замечаю, как Аля протягивает ручки к одному из горшков – и, забыв о стычке с женой, я лечу к ней. Собираюсь перехватить прежде, чем дочь сотворит свою шалость. Однако, услышав мои шаги, вредная малышка ускоряется. Упертая, как я, не успокоится, пока дело до конца не доведет.

Когда я оказываюсь, наконец, рядом, то земля уже разбросана на полу вокруг. Тем временем Аля воодушевленно тянет на себя ветку драцены, ловит листья. Одной ручкой продолжает держать стебель, а второй срывает зелень. И мгновенно запихивает в рот.

– Аля, а ну нельзя! – рывкаю я и оттаскиваю маленькую обезьянку от «пальмы».

– Ну, сам подумай, – фоном продолжает Лена. – Вырастет Аля, и будем мы с ней, как сестрички или подружки. Это сближает. На вечеринки будем вместе ходить. Никто и не подумает, что я сильно старше, – хорохорится она, и ее счастье, что мне не до нее сейчас.

Вытираю грязные ладошки Алины влажными салфетками, детскими – других давно не покупаю. И в рот дочке заглядываю, не успела ли проглотить листья.

Надо бы избавиться от драцены вовсе – мысленно галочку ставлю. Тем временем Аля смотрит на меня так обиженно, будто я лакомства какого-то ее лишаю.

– А-ам? – и личико кривит, словно расплакаться готова.

– Аля ужинала? – с подозрением уточняю я, хотя заранее знаю ответ. Он читается в растерянном взгляде жены.

– Лена? – медленно встаю. – Ты забыла покормить ребенка? – изгибаю бровь, всем своим видом выражая недовольство.

– Я не знала, – жена по-настоящему пугается, взволнованно на ребенка посматривает. – Алечка не просила, ну, то есть не плакала. Я ведь от мамы Вали ее пару часов назад привезла, – оправдывается сбивчиво. – Разве она успела проголодаться? – выпаливает с неподдельным удивлением.

Вздыхаю тяжело, беру малышку за руку, увлекаю за собой в сторону кухни. Не собираюсь ничего объяснять Лене. Наверное, в этом и заключается моя главная ошибка – я не предъявляю ей претензий. Каждый раз жалею. Не хочу раздувать ссору.

– Зай, давай я помогу, – не отстает жена. – Я действительно думала, что мама Валя ее покормила.

Оказавшись в кухне, усаживаю Алю в детский стул, специальными ремешками пристегиваю, чтобы не вывалилась: у нее же шило в одном месте. Не удивительно, что Лена не заметила, как она сбежала.

Остыв немного, я готов продолжить разговор с женой. Поучительный.

– Думала, значит? А ты спросила, во сколько дочь ела? – захожу издалека, общаюсь в привычной для меня манере.

– Нет, – шепчет Лена, как школьница, не выучившая урок.

– А когда у Алинки ужин по графику? – задаю вопрос на засыпку.

– Ну, зай, график же у няни, – разводит руками. – Откуда мне знать? – приближается и по плечу ласково ладонью ведет. Подлизывается, бдительность усыпляет. Раньше это работало безотказно.

Но с появлением дочери в нашей жизни меня будто переключило.

– Садись, Лена, два, – с сарказмом бросаю. – Час назад, – отвечаю сам, взглянув на часы. – Ты абсолютно не интересуешься дочерью. Что же ты за мать? – не выдерживаю я.

Жена вздрагивает и отходит от меня. Не спорит больше, не пререкается. И вообще меняется, как по щелчку пальцев.

– Извини, – опускается на стул рядом с Алей. – Я виновата, да, – говорит чуть слышно.

Нахожу в кухонном шкафу банки с детским питанием. Нормальную еду дочери готовит няня, но сегодня она на больничном. Я же могу только чем-то готовым накормить. Тоже, если посудить, не идеальный родитель. Еще чего-то от Лены требую. Алинке с нами обоими не повезло: мы – ветреные журналисты, помешанные на карьере.

Однако детей я хотел, да и жена поначалу охотно согласилась. Но на определенном этапе все пошло по наклонной...

– Я искренне не понимаю, как можно так наплевательски относиться к дочери после того, что Мы с тобой пережили, – пытаюсь воззвать к ее чувствам, если они вообще остались.

– Ты злишься, потому что дело во мне, – покашливает жена и осекается, взгляд пряча. Мы оба знаем, о чем она.

– Лена, нет, не поэтому, – кошусь на Алю и открываю баночку, щелкая крышкой. – Я ведь никогда не попрекал тебя. Наоборот, поддерживал с самого начала. Прошел все вместе с тобой, – беру пластиковую ложку и начинаю кормить дочку пюре. – Я помню, какая тяжелая беременность у тебя была. Как ты буквально не вылезала из больницы, особенно, в последние месяцы. Я

переживал очень, берег тебя тогда. Продолжил заботиться о тебе и после родов, – напоминаю ей. – Обеспечил все условия для восстановления. Младенцем я сам занимался. Няню выбрал и нанял, маму позвал на помощь. Ночевал с дочкой. Ни ты, ни Светлана Григорьевна не касались ее, – внезапно тещу вспоминаю. На дух ее не переносу. – Лена, ты до сих пор, как королева, в отдельной комнате живешь. Не думаешь, что твое «восстановление после тяжелых родов» несколько затянулось?

– Мне было сложно... – краснеет она, окончательно теряясь. Не смотрит мне в глаза, царапает стол ногтями.

– Понимаю, но это не оправдывает того, что ты самоустранилась и не выполняешь свои родительские обязанности, – чеканю я. – Зачем ты вообще в декрете сидишь?

– Тогда... может... я... – сглатывает и умолкает.

– Что? – поторапливаю ее, а сам личико Але протираю салфетками.

– Выйду на работу? – выпаливает и зажимается.

– Ты серьезно? – вхожу в ступор от ее вопроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lesnevskaya_veronika/bliznyashki-ot-bossa-serdce-popolam

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)